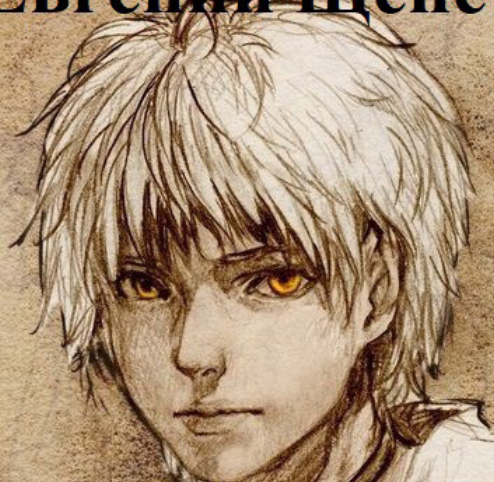

Евгений Щепетнов

Евгений Щепетнов

Бандит

Евгений Владимирович Щепетнов

Бандит

Серия «Пётр Синельников», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67741167*

Аннотация

Сорокалетний спецназовец, боец ЧВК в Сирии попадает в ловушку, устроенную ИГИЛ. Джип, в котором он ехал вместе со своими товарищами, подорван на фугасе, и от смерти Петра Синельникова отделяют только десять магазинов в разгрузке и пять гранат на подвеске. Он знает, что уже мертв, но собирается отдать свою жизнь как можно дороже. Ведь спецназ не сдаётся!

Взрыв уносит души бородатых «бесов» в их рай с гуриями, а спецназовца – в другой мир, в тело нищего паренька шестнадцати лет от роду, самого что ни на есть убогого и забитого.

Ну а дальше...посмотрим, что будет с героем, который двадцать лет на войне, который прошел вторую чеченскую, Сирию, Африку, и который не привык сдаваться никому и ни за что.

Магия, кланы, выживание на улицах жестокой столицы империи мира, находящегося на уровне земного средневековья – все впереди. И мало герою не покажется...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	37
Глава 4	53
Глава 5	68
Глава 6	85
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Евгений Шепетнов

Бандит

Пролог

Белое солнце пустыни... оно и правда – белое. Белое, и горячее. Очень горячее. И жестокое. Ему все равно, что происходит под ним. Солнце равнодушно, оно видело многое за свои пять миллиардов лет, и что для него жизнь даже не мотылька, даже не песчинки – маленькой молекулы по имени Петр Синельников, позывной – «Синий». Я знаю, что мне пришел конец. Что живу я до тех пор, пока не закончатся патроны в магазинах, заткнутых в гнезда разгрузки. Меня никто не спасет, никто не выручит – это ведь не кино. И убежать я не могу – даже если бы ноги не были перебиты. Куда убежишь в пустыне, где даже пешехода видно до самого горизонта?

Мне осталось только подороже продать свою жизнь. Я хорошо стреляю, уж этому меня научили – и в учебке спецназа научили, и жизнь научила – на второй чеченской, и после, в Сирии. Нет у меня страха, нет отчаяния – только глухая, безнадежная тоска. Почему? За что? Да, грешил! Но ведь не настолько, чтобы вот так, совершенно неожиданно принять смерть в чужом краю, в окружении поганных бородатых морд!

После моей смерти они будут глумиться над моим трупом, я это знаю. Но мне уже будет все равно. Я этого точно не увижу. И они не увидят, как спецназовец сдается, подняв руки. Чтобы потом принять мучительную смерть от этих ублюдков.

Десять магазинов. Из них опустели семь. Я стреляю редко, одиночными, только иногда короткими очередями. Тяну время – сам не знаю, почему. А вдруг прилетит «грач» и разгонит этих тварей? Или «вертушка»? И ведь знаю – все бесполезно. Никто не прилетит. Никаких волшебников в голубых вертолетах.

Бах! Бах!

– Алла акбар... – со стоном, значит, попал.

И тут же тупой удар в бедро. Боли не чувствую – у меня похоже что поврежден позвоночник. Я не жилец, даже если бы сейчас меня погрузили в вертолет и вывезли. Даже если бы я выжил – какая жизнь со сломанным позвоночником? Жить в инвалидной коляске на жалкую пенсию, которой не хватит даже чтобы платить коммунальные услуги? Ну да, у меня есть кое-какие сбережения, но надолго ли их хватит? И ЧВК выплатило бы мне за ранение, но...

Какого черта я об этом вообще думаю? Перетянуть бедро выше раны! Скорее! Истеку кровью! И так уже голова кружится, и в глазах как туман... Тут и контузия при взрыве машины, и потеря крови. Моим соратникам «повезло» больше – они сейчас горят в джипе, убитые сразу, мгновенно, меня

же выбросило на обочину. В канаву. В которой я сейчас и отстреливаюсь от «бесов». Вернее – отстреливался. Похоже, что все.

Выпускаю длинную очередь в сторону перебегающих «игиловцев», и затихаю, откидываясь на бок и вытягивая руку с калашом. Изображаю полную отключку. Чека гранаты уже разогнута, большим пальцем руки выдергиваю ее из отверстия. Теперь гранату от срабатывания удерживает только моя ладонь, мои пальцы. Гранаты три, они у меня на груди, на подвеске. Рука удерживает скобу, я грудью прикрываю руку, сквозь прикрытые ресницы наблюдая за тем, как поднимаются враги, гортанно переговариваясь и беспрерывно повторяя «алла акбар!». Что бы они не делали – постоянно говорят «алла акбар». Меня уже тошнит от этих слов. Слишком часто я их слышал там, где с этими словами убивают людей.

Идут. Выстрел! Еще! По ногам мне бьет, как палкой! Плевать. Все равно не чувствую. Мне бы пару минут продержаться... Ближе, твари! Еще ближе! Ну?! Давайте! Еще шажок! Еще!

С трудом переворачиваюсь на спину и с облегчением отпускаю пальцы. Я устал. Я очень устал!

Господь, если ты существуешь, прими меня таким, каков я есть! Я прожил сорок бурных лет, и не был таким уж плохим человеком! Как хочется жить, как хочется...

Глава 1

Первое, что чувствую – прохладу. Откуда-то тянет сквозняком, а еще – воняет. Сильно воняет! И даже не пойму – чем. Нечистотами, падалью, какой-то затхлостью, и... почему-то йодом. Морем.

Морем?! Что за чушь?! Откуда в пустыне море?! В пустыне... я – в пустыне? Меня что, захватили?! Да нет же, такого быть не может! Три гранаты, рванувшие на груди – да от меня одни ошметки остались!

Но я жив. Я чувствую. Я обоняю. А еще – у меня чешется нога. Так чешется, будто ее кто-то покусал. Комары. Или клопы. И что это значит? Я все-таки в тюрьме? В каком-нибудь зиндане игиловцев?

Сажусь, ощупывая себя руками, и только теперь замечаю, что вокруг темно. Только не так темно, когда ты лежишь с закрытыми глазами, или вообще ослеп, а... просто темно. Ночь. И нахожусь я в неизвестном мне месте, скорее всего в каком-то помещении. Из отверстия надо мной просачивается слабый, похоже что лунный свет, и мои глаза, начинающие привыкать к этому свету, стали различать то, что находится вокруг меня. Едва-едва различать, но все-таки достаточно уверенно, чтобы понять – я в каком-то полуразрушенном здании, перекосившимся, заваленным мусором состоящим из камней, гнилых досок и костей. Подо мной подстилка из

тряпья, от которого несет мочой, потом, и... непонятно чем еще. Чем-то сладковатым, отвратительным, нездоровым. Таким, от чего хочется стошнить, и что следует отбросить от себя и больше никогда его не касаться.

Вскакиваю на ноги, и с неудовольствием отмечаю, что двигаюсь я неуверенно, так, будто мышцы мои слабы, и вообще – я голодал месяца полтора. И тут же ругаю себя за глупые мысли – как я вообще могу двигаться с перебитыми ногами, со сломанным позвоночником? Как я могу стоять на этих самых ногах?! Но ведь стою же!

Голова совершенно не соображает. А еще эта вонь! Пахнуло падалью, да так, что меня чуть не вывернуло. Нет, надо отсюда выбираться! Осматриваюсь, вижу что-то похожее на дверной проем – перекосившийся, как и все здание, держащееся на честном слове, полузасыпанный щебенкой, но... все-таки выход. Ползу по смеси песка, обломков камней и досок, стараясь нацепить стену ветхого здания – вдруг ему не хватает только маленького толчка чтобы завалиться?

Вываливаюсь наружу и на четвереньках сползаю к подножию кучи щебня. Есть! Я на воле! Вздыхаю (запыхался, будто три километра спринтерским бегом пробежал!), сажусь, верчу головой, глядя по сторонам. И тут же сердце мое екает, глаза выпучиваются, и с минуту я не могу дышать, пораженный, потрясенный увиденным.

Море. Внизу, под небольшим склоном – море. Тихо, с едва слышным шелестом накатывающееся на берег прозрач-

ными волнами. На море – две дорожки от двух лун – одна небольшая, желтая луна, такая же по размеру, как и моя, родная. Вторая – красная, будто раскаленная дверца буржуйки. И крупная – крупнее обычной луны раза в два с половиной. Свет от лун такой, как если бы кто-то включил слабенький фонарь, освещающий окрестности зыбким, но вполне себе достаточным для нормального обозрения светом. Не сказал бы, чтобы можно было различить мелкие подробности предметов вокруг меня, но в общем и целом все мне видно, и о полной ночной тьме разговора идти не может.

Трясу головой, будто пытаюсь отделаться от зрелища перед глазами, и тут же в голове вдруг всплывает: «Желтая луна – Касана, Красная луна – Каисса». Хмыкаю, и пытаюсь сообразить – откуда это все всплыло?! Что это все за чушь? Глюки?!

Надо успокоиться, и попробовать размышлять логически. Итак: я только что был в бою, в котором выжить не мог. Я покончил с собой, подорвав себя гранатами. Потом вдруг очнулся в некоем мире, где имеются две луны. И скорее всего – это не глюки, потому что я чувствую! Вижу! Обоняю! В конце концов – у меня чешется тело, и...

Я с отвращением чувствую, как по шее у меня кто-то ползет. Хватаюсь пальцами за это место, ловлю какую-то мелкую тварь и давя ее, содрогаюсь от отвращения! Вши! У меня похоже что – вши! Тьфу... твою же мать! В глюках точно вшей не бывает. В глюках – человек летает, или наоборот

куда-то падает, но никак не ловит вшей!

Подхватываюсь с земли, и быстрым шагом схожу, можно сказать сбегая с обрывчика прямо на песчаный пляж. Тут же срываю с себя одежонку, попутно разглядывая – что же на мне надето, а потом бросаюсь в прибрежную воду. Теплую, будто парное молоко. Свет двух лун позволяет разглядеть мои конечности, и все, до чего дотягивается мой взгляд. И то, что я вижу, меня совершенно не радует. Всю свою сознательную жизнь я был подтянутым, жилистым, мускулистым, как бодибилдер, готовящийся к соревнованиям – в юности занимался на турнике, потом в спортзале, хотя сильно не закачивался, так как излишне надутая мускулатура снижает скорость движений, а потом, в армии, и в дальнейшем в ЧВК – точно не ожиреешь. Нагрузка – и спортсменам не снилось. Я же разведчик, волк, а волка как известно ноги кормят. Поэтому толстяком никогда не был. Но тут... худые, как после голодовки ноги, худые руки, впалый живот без грамма жира. И самое главное – это НЕ МОИ ноги, это НЕ МОЙ живот! И все остальное не мое! Белая кожа, даже излишне белая – ни загара, не смуглости, присущей большинству людей. Ощущение – это кожа какого-то альбиноса, а не обычного человека. А еще – нет следов ранений, которых на мне было как на дворовом котяре, выдавшем виды и не ждущем ничего хорошего от жизни. Два пулевых, три осколочных – куда они делись? И шрам на боку от ножа – его тоже нет!

Ладно. Потом разберусь. Пока – надо отмываться, отти-

раться, черт подери – надо как-то избавиться от вшей! Фу, мерзость какая! По-хорошему мне бы сейчас побрить голову, сбрить все волосы с тела, а еще – намазать башку и пах керосином. Где бы только его взять, этот самый керосин...

Тру тело песком так, что оно начинает гореть. Споласкиваюсь. Волосы у меня длинные, до плеч – беда, однако! Как из таких волос вычесать насекомых? Не имея ни расчески, ни... в общем – избавляться надо от этих кудрей. Только и это я не могу – ну не драть же их с корнями?!

Сую голову в морскую воду, истово мечтая о том, чтобы проклятые твари утонули в соленой воде. И прекрасно понимаю, что прежде чем насекомые утонут – я десять раз утону в этой самой воде. Потому прекращаю дурацкую затею и стараюсь включить мозг, хотя это и непросто. Такой раздрай и бедлам в голове – ни на одной мысли сосредоточиться не могу! Сижу голый на берегу моря, смотрю на две луны и будто во сне думаю о том, как извести чертовых насекомых! Это ли не сюрреализм?!

Нет, надо взять себя в руки – разведчик я, или дерьмо ослиное? Башкой-то надо подумать! Существует проблема – я каким-то образом после смерти оказался в чужом теле (бесспорно), это тело в плохом физическом состоянии, и состояние усугубляется наличием мерзких кровососов, обосновавшихся в моей пышной шевелюре. Хорошо хоть бороды еще нет...

Стоп! Да, бороды нет. А что это значит? Это значит, что

я или монголоид, у которого борода не растет по генетическим причинам, либо... либо я подросток. Судя по первичным признакам – подросток мужского пола (что уже хорошо, не хватало еще в девку переместиться!), и возраст мой (опять же судя по этим самым признакам) примерно пятнадцать-шестнадцать лет. Это возраст когда на лице еще ничего нет, а в паху уже все как надо.

Ладно. С этим разобрался. Теперь – что делать с моим зоопарком? Дождаться дневного света, и уже тогда найти людей и попробовать что-то сделать с гадкими тварями? Хмм... а если эти самые люди окажутся... не теми, кого я хотел бы видеть рядом? Ну тот же ИГИЛ – попробуй, попади им в руки! Башку отрежут – и пикнуть не успеешь. Насмотрелся я на этих бесов... И кто сказал, что здешние люди лучше? Пока не знаешь обстановки, пока ничего не знаешь о мире, в который попал (а я попал!), лучше держаться настороже.

И что тогда делать? Ну, во-первых, хватаю одежду и поплыву ее в воде. Одежда моя состоит из драных штанов непонятного цвета (при лунном свете точнее не рассмотришь), и такой же драной рубахи. Все из непонятного полотна, и похоже что на завязках, никакого ремня на штанах нет. Кстати – нет и никакого нижнего белья, трусов и майки. Обувь – как ни странно, она есть. Что-то вроде босоножек – толстая кожаная подошва, с петельками, к которым привязаны кожаные же ремешки. Этими ремешками подошва крепится

к ступне, не очень эстетично, но зато не поранишь ногу какой-нибудь дрянью, а этой дряни тут похоже что выше крыши.

Полощу штаны и рубаху в воде, а потом иду по берегу – увидел здоровенный валун, вот об этот валун и колючу свою одежонку со всей яростью вояки, всеми фибрами своей души ненавидящего «окопных» тварей, бича всех войн и народов. Надеюсь, что хоть одна вша в конце концов подохнет, если не от удара о камень, так от испуга.

Устаю, кладу барахло на камень сушиться, и тут обращаю внимание на здоровенную раковину по типу рапаны – только огромная, с человеческую голову величиной. Секунд десять тупо на нее пялюсь, потом хватаю ракушку и с размаху бью о глыбу. Хруст! Разлетающиеся осколки! Готово. Подбираю один из осколков, тот, что похож на лезвие ножа без рукояти, щупаю пальцем край обломка и с удовлетворением киваю – ага! Получилось! Это конечно не острота обсидиана, но ракушки даже в створках очень острые, а уж осколок... это просто-таки керамический нож.

Вздыхаю, готовясь к худшему, и аккуратно примерившись, начинаю срезать волосы с головы. Под корень, стараясь действовать как бритвой, ежесекундно рискуя вместе с волосами лишиться и доброго куса кожи.

Процедура заняла не менее получаса, и труднее всего пришлось с волосами над ушными раковинами. Боялся. Не хотелось остаться без ушей, или самое меньшее – хорошень-

ко истечь кровью, ведь ранение уха вызывает такое обильное кровотечение, что кажется – сейчас вся кровь вытечет через эту самую рану. Проверено, еще в юности, после одной из уличных драк, в которых я участвовал не раз, и не два. Мама была в ужасе, когда я пришел домой весь в крови, с разорванным пополам ухом. Пришлось накладывать швы. Чертов придурок ударил меня кастетом, что было в наших драках строго запрещено неписанным законом. За то я отмудохал его до полусмерти. Квиты.

На удивление – я даже не порезался. И вполне прилично обрил голову – конечно же не так, как если бы работал настоящей бритвой, или отточенным до бритвенной остроты ножом, но все-таки лучше, чем если бы рассадил кожу до крови. Без этих шевелящихся от насекомых кудрей сразу стало гораздо легче. Я и вообще уже давно привык к тому, что на голове у меня совсем минимум волос – максимум небольшой ежик по типу того, какие носят в американской армии. По-моему у нас эта прическа когда-то называлась «бокс». Во времена моего детства называлась, и раньше. А может и позже – я как-то не слежу за названиями причесок. Мне главное – чтобы волосы на голове жить не мешали, чтобы за ними было легче ухаживать. И прическа «бокс», он же «ежик», для этого подходит лучше всего.

Ну что же... снова к воде, и давай тереть голову песком, поливать ее водой. Нет – ну все-таки какая теплая вода! Градусов тридцать, не меньше! А может и больше! Делаю вывод

– я в теплых краях, где-то на юге, где вечное лето. Капитан Очевидность, ага. Но горжусь своей догадливостью. Кстати – воздух еще горячее воды, и это ночью. А что же тогда делается днем?! На солнце?! Ой-ей... даже подумать страшно.

Честно сказать – не люблю я жаркие страны. Хотя пришлось в них немало походить, и даже побегать. И в ЦАР был, обучал черных держать калаш правильным концом от себя, и в Сирии побегал по барханам и прериям, или как там называется эта чертова равнина. Степи? Полупустыня? Как ни назови – а это мерзкая сожженная солнцем равнина, плоская, как стол, поросшая редкими колючками. Место моего последнего упокоения...

Нет, никак не могу привыкнуть к тому, что я мертв, но... не мертв. Отгоняю от себя эти мысли, запрещаю думать на тему – иначе хочется завывать и спросить – почему я?! За что меня-то?! Значит – было за что. Значит – так нужно. Что еще тут скажешь...

И лучше не задаваться вопросом – куда подевался старый хозяин этого тела. Куда делся парнишка, чей «механизм» я занял, и чьи кудри так безжалостно искоренил. Кукушонок, да. Влез в гнездо, да и выкинул его обитателя. Но я тут не виноват! Так получилось! И да – зря я не верил в переселение душ... как оказалось – не ввали эти... хмм... в общем – есть оно, переселение. И я тому живой пример! По крайней мере – пока живой. И собираюсь пожить подольше!

Ну а для того, чтобы пожить, надо решить ряд вопросов.

Например – что-то съесть. Живот у меня бурчит, жрать хочется – аж до колик. И насколько я понимаю, у парнишки нет ничего. Совсем ничего. Ни денег, ни имущества – нищий, как есть нищий. И значит – мне придется добывать хлеб насущный с большим, очень большим трудом. И тут есть два пути: первый путь, это попрошайничество. Ходишь, и пристаешь к людям (Дай миллиончик!). Тебе или дадут денег, или дадут пендаля.

Второй путь – это путь криминала. Путь гораздо более выгодный, но при этом – гораздо более опасный. Например, в тех же Эмиратах – за кражу просто отрубают руку. Мне очень не хочется жить одноруким! Можно было бы заняться грабежом, гоп-стопом например – но это если бы я был в своем, тренированном, выдавшем виды теле. Когда ты умираешь с голоду, все моральные скрепы спадают с тебя, как листья с деревьев под холодным октябрьским дождем. Люди с голодухи каннибализмом занимались, чего уж там морализаторствовать насчет воровства и грабежа. Я не зверь, и не собираюсь грабить бедняков, отбирая последнее. Всегда имеется достаточное количество толстых клопов-предпринимателей, таскающих на кармане приличную сумму денег. От них мне думается не убудет. Однако... не при моем физическом состоянии, не при моей неловкости заниматься карманными кражами, и уж тем более грабежами. Грабеж предполагает наличие оружия, которым запугиваешь «клиента», а где у меня оружие? Кусок ракушки? Булыжник? Нет,

путь разбойника для меня закрыт. По крайней мере – пока. Нищенство – вот мой удел. «Же не манж па сис жур...господа! Я не ел три дня!» – примерно так.

Надеваю влажную одежду, убеждая себя, что большинство тварей, прячущихся во швах скончались от порки о камень и в водных процедурах, и бреду по пляжу туда, где на фоне сереющего неба вижу силуэты зданий. Мне сейчас нужно где-нибудь пересидеть часы до рассвета, чтобы потом отправиться в город и попробовать найти пропитание. А то, что это город, я вижу совершенно очевидно и ясно, как если бы уже вышло солнце. Город находится в чаше вокруг огромной бухты, перекрещенной лунными дорожками. Я вижу дома, поднимающиеся в гору, вижу дымки из труб – видимо кто-то готовит еду, или печет в домашних очагах. Пахнет дымом, навозом, нечистотами и морскими водорослями.

А еще – я вижу корабли, стоящие в бухте на рейде. Кораблей много, они будто с картины Айвазовского – застыли на тихой воде, подсвеченные фонарями, вывешенными на корме и носу. И этих фонариков на воде так много, что кажется – бухта покрыта яркими светлячками. Похоже что этот город является крупным портом. Не зря же здесь столько кораблей? Вероятно, есть и те корабли, которые стоят у причалов на разгрузке – те же, на рейде, они пока что ждут своей очереди.

Кстати сказать – откуда-то из глубины мозга всплывает подтверждение моим логическим выкладкам. Я ЗНАЮ, что

мои мысли верны, я ЗНАЮ, что этот город очень, очень крупный порт. А еще из памяти выскакивает: столица!

Мда... парень, парень... куда ты делся? Притаился в моей памяти? Откликнись! Появись! Давай жить дружно? Ты мне расскажешь об этом мире, а я помогу тебе в нем выживать. Тем, чем умею – помогу. Я ведь на войне уже двадцать лет, я видал столько, пережил такое, что тебе и не снилось! Неужели я не выживу здесь, в этом мире? С моими-то умениями?

Впрочем – а какие у меня умения? Драться умею – с юности в этом ловок, а потом мои умения как следует отшлифовали. Убивать умею – многими, очень многими способами. Большинство из которых, увы, скорее всего здесь и не пригодятся. Вряд ли тут окажется калаш, или тяжелая снайперка. Или хотя бы «стечкин». Но вот ножом я работаю великолепно – могу даже работать инструктором по ножевому бою.

Ну что еще умею? Играю на гитаре, очень хорошо играю – все-таки десять лет в музыкальной школе учился, мама-то преподаватель музыки! Была...

Ладно – будет день, и будет дело. Поищу место, где можно отсидеться, и... там уже посмотрим, как мне жить. И я побрел дальше, мечтая о горбушке хлеба и здоровенном шмате докторской колбасы. Докторской я скорее всего больше никогда не увижу, а вот горбушку постараюсь сегодня добыть. Если мне повезет, конечно.

И честно скажу – не хочется мне заниматься криминалом. Лучше бы где-то пристроиться на работу – хоть дворником,

хоть каким-нибудь подсобным рабочим! Я не боюсь грязного, тяжелого труда. Лишь бы платили достойно, и предоставили угол для проживания. А там уже разберусь – куда попал и чем можно заняться. Судя по всему, провалился я в мир без развитых технологий. Мне хватило света чтобы разглядеть корабли, стоящие на рейде. Все как один они были парусными. А это значит... понятно, что это значит.

Глава 2

Разбудили меня лучи солнца, такого же яркого, как в Сирии. Мне как раз и снилась Сирия – я все еще отстреливался, лоя в прицел фигуры в развевающихся на бегу тряпках. Прицел у меня был хороший, коллиматорный, стреляю я выше среднего уровня, так что почти и не промахивался. Надеюсь, что при взрыве автомат как следует искорежило. Не хочу, чтобы из моего автомата стреляли по нашим же парням.

Проснулся даже с облегчением – одно дело, когда ты уже мертв, хотя вроде пока и жив, а другое – проснуться молодым, относительно здоровым, и на берегу моря. Именно так – на берегу моря, потому что никуда я ночью не дошел, уткнувшись в стену, перегородившую пляж, и потолкавшись возле нее, решил – какого черта я буду бродить, не лучше ли упасть, где стою, и нормально дожждаться рассвета? Тем более что ждать его долго не придется – вон, горизонт уже сереет. Так что пристроился возле стены, свернувшись как мог в клубочек, и постарался успокоиться и заснуть, что далось мне не очень-то и легко: одежда волглая, можно даже сказать мокрая, а в голове мешанина мыслей и впечатлений. Ну никак не мог я поверить, что перенесся в чужое тело, что жизнь моя не закончилась там, в выжженной пустыне забытого богом государства.

Но все-таки уснул. И сейчас, открыв глаза, стал вспоми-

нать подробности своих кошмаров, и невольно переродился – страшно даже вспоминать. Хотя кое-что из кошмаров меня невольно заинтересовало. Это был даже не кошмар... бывают такие вот переживательные сны – кошмаром назвать нельзя, но и радостным его тоже не назовешь. И этот был таким. Во сне я разговаривал с владельцем моего нынешнего тела. И разговор этот мне очень не понравился. В подробностях не помню, только отрывочные фразы и ощущения, но главное, что я вынес из этого разговора – это то, что владелец тела уходит, потому что сдался и не хочет больше в нем жить. Вообще не хочет жить. Что жизнь его настолько беспросветна, настолько мерзка, что он лучше отправится на перерождение, или вообще исчезнет из вселенной, только бы оказаться где-нибудь подальше от такого мерзкого жестокого мира.

Я ругался, я обзывал его последними словами, я взывал к его совести и мужскому достоинству – ну как так мужчина может просто взять, и сдаться?! Нужно драться до последней капли крови, а потом унести с собой как можно больше врагов! Но этот унылый поц только твердил, что он не такой, как я, что неспособен бороться за жизнь, перегрызая глотки людей, что устал, и отдает мне свое тело, свою жизнь – может я все-таки сделаю из нее что-то приличное, что-то не похожее на жизнь жалкого, гонимого и убогого животного. Каким этот парень и был до сих пор. А еще он оставляет мне все, что у него имелось – кроме этогодохлого тела, конечно.

А именно: память. Я могу распоряжаться ей так, как захочу. А он... он пошел отсюда подальше. Ариведерчи!

Сон, конечно. Ведь что такое сны, я читал: это обрывки мыслей, впечатлений, всего того, что ты видел, или что пришло в твою голову во время бодрствования. Мозг все переживает, собирает рисунок, как калейдоскоп складывает картинку из стеклышек, и получается вполне себе логичный сон. Логичный для сна, конечно же. Я до самой своей смерти иногда летал во сне. Прыгну со скалы в пустоту, и... полетел, понесся, раскинув крылья-руки! А внизу, очень далеко внизу – зеленая долина и маленькие такие, как игрушечные домишки. А я рассекаю воздух грудью, проношусь над крышами домов, и люди показывают на меня пальцами. А я хочу, хохочу – легкий и свободный, как птица!

Говорят, что когда летаешь – растешь. Не знаю... за двадцать лет не вырос ни на сантиметр. Как было в двадцать 180 сантиметров роста, так они и остались. Вес только менялся. То нажру килограммов десять, то их сброшу в рейде по тылам противника, когда высыхаешь как вобла – все потом из тебя выходит.

Но так-то сон про пацана был совершенно в тему, и стоит над этим задуматься. И проверить – так ли все получилось, как он сказал. Если я смогу понять местный люд, смогу разговаривать на здешнем языке... может это вовсе был и не сон?

Поднявшись на ноги, потянулся до хруста суставов и про-

делал несколько разминочных упражнений. Бок болел – под ним на земле оказался небольшой булыжник, и он мне хорошенько оттоптал бочину. И откуда взялся? Я вроде бы ровное место для ночлега выбирал. Будто вырос из земли.

Пошел к морю, умылся, с неудовольствием осмотрел свою одежонку. Штаны... господи, да я бы такие штаны решился потрогать только палкой! Настолько мерзко и многообещающе они выглядят. Их полчаса надо кипятить, прежде чем можно было бы до них дотронуться! Рубашка не лучше...

дыры, лохмотья, выбеленный от времени холст с остатками былой краски. У нас бомжи одеваются гораздо лучше, чем здешние нищие. Впрочем – видел я картинки из жизни бедняков той же Англии. Эти несчастные одевались ничуть не лучше, а спали так вообще в таких местах, которые присятся только в дурном сне. Такое и придумать невозможно! Представить только комнату, в которой протянуты канаты, а люди спят стоя, повиснув животом или грудью на этих самых канатах. И за это хозяева ночлежки берут деньги. Спать на полу – можно замерзнуть, или крыса укусит, а так будет намного безопаснее. Жуть, однако же!

Кстати, а кто мне сказал, что здесь обязательно средневековье? Парусные корабли увидел? Так они существовали до самого двадцатого века! Перевозили грузы, и даже воевали! Ну и что с того, что на них нет паровых машин? Может я просто не заметил труб.

Нет, это все-таки было средневековье. И в этом я убедил-

ся уже через час, обогнув стену, перекрывающую доступ в порт. Высокая стена, надо сказать – в три роста, а наверху – осколки обсидиана, колотые ракушки – и все это острое хозяйство вмонтировано в раствор. Попробуй-ка, перелезь такую стену! Так-то можно, если знать – как, но нужно ли?

Кстати – так и не понял, зачем нужна эта стена. Вернее – зачем она нужна в общем-то понятно, непонятно – зачем перекрывать доступ в порт. Может, предохраняются от ночных грабителей? Вряд ли. Тот, кто захочет, такую стену перелезет на-раз, если как следует подготовится. Но вот потом... награбленное ведь нужно вывезти! Через забор не перебро-сишь тюки с продуктами, или ткани, нужна подвода, а значит – вывозить через ворота. А в воротах – охрана, которая может срочно вызвать подмогу. Нет, тут все в общем-то ясно-понятно, если поразмышлять.

Первые люди, которых я встретил в новом мире – это был патруль городской стражи, или если назвать их на земной манер – здешние менты. И вот тут мне окончательно все стало ясно. Кольчуги, на которые нашиты блестящие, надраенные стальные пластины, у пояса – короткие мечи, кинжалы, на плече – копьё с листовидным наконечником, на головах шлемы, будто сошедшие с картинок о средневековье – такие я видел у испанских конкистадоров, открытые, со стальным гребнем и полями, как у панамки. Вертится в голове название... о! Морион, вот как назывался такой шлем. Эти похожие точь-в-точь. На голове шлем удерживается ремешком,

застегнутым под челюстью.

Мда... тяжело им сейчас, ментам этим... под кольчугой явно стеганный поддоспешник, шлемы сидят по-форме, туго застегнуты, штаны с наголенникаи тоже толстые, как ватные. Представляю, как стражникам сейчас жарко!

Стоп! Откуда я знаю, что это патруль? Что это стражники? И откуда знаю, что от них лучше держаться подальше? От стражников явственно исходит опасность, хотя на лицах у них только скука, равнодушие и... наверное – полное безразличие к тому, что происходит рядом. У них маршрут, его надо оттоптать, а всякие там неприятности вроде хулиганов и грабителей – это не по их интересам.

– Чего пялишься, придурок?! – внезапно выверился один из стражников, молодой парень с туповатым, красным то ли от жары, то ли от природы лицом – Проклятый мусор!

Он нанес удар так быстро, ловко и неожиданно, что я не успел увернуться. Древко копья угодило мне в плечо, и снесло с ног так же легко, как мальчишка сбивает прутом цветки чертополоха – бац! И нет цветка! Бац! И побеждена непобедимая доселе рать!

Он хотел ударить меня еще, даже шагнул в мою сторону, нацелив копьё тупым концом мне в живот, но старший патруля его удержал:

– Зальц, тебе делать что ли нехрена?! Сил много? Так я тебе придумаю работу! Тратишь время на эту погань! Шагай давай! У меня в глотке пересохло, а мы еще маршрут не

обошли!

Мне было больно и обидно. За что ударил, скотина?! Ну смотрел я на него, и что?! Как самураи, что ли? Это у них было, читал: встречаются два самурая, с ними идут слуги, тащат поклажу. Один самурай другому, с упреком: «Что-то твой слуга на меня очень уж дерзко посмотрел!» Второй равнодушно отвечает: «Ну, можешь его зарубить!». Примерно такое отношение было к простолюдинам, особенно крестьянам. И нужно это запомнить. Мой нынешний статус таков, что глядеть в глаза я могу только равным себе, а таких наверное не так уж и много. Ниже меня здесь нет никого!

Я конечно же ошибался. Были и те, кто статусом пал гораздо ниже меня. Но в этом я удостоверюсь гораздо позже. А пока – потер ушибленное плечо (синячина будет – ай-яй какой!), и потащился дальше, по дуге обходя стражников патруля. Кстати, заметил – их огибают все, или стараются поскорее миновать, глядя куда-нибудь в сторону. Ну, ясное дело – не дай бог докопаются. Вот же какое тут у стражников уважение! На наших ментов хорошо если не плюют. А если те попробуют применить силу, я уж не говорю об применении оружия – вой поднимется до небес! «Сатрапы! Кровопийцы! Душителы свобод!». Вспомнить только несчастных американских полицейских, которые боятся задерживать цветных преступников – что бы те ни сделали. Задержишь – и тебя же потом обвинят в превышении полномочий, а то и вообще посадят в тюрьму. А оно им надо? Тут же стражники

изначально и судья, и палачи. Ага... вспоминается пресловутый судья Дредд. Не дай бог такое тупое правосудие...

Вот и въезд на территорию порта. Как и ожидал – у ворот очередь подвод – и с той, и с этой стороны. И довольно-таки мощный отряд охранников – с дубинками, мечами, правда эти стражники не в броне, а в легких кольчугах-майках на голое тело. Здоровенные парни, ручищи – толще моей ноги. Нынешней ноги. Ходят, осматривают повозки, собирают бабло – вижу, как монеты переходят из рук в руки. Вот для чего все и устроено – стена, КПП, и все такое прочее. Бабло – оно и есть бабло, во всех мирах, и во всех вселенных.

Жрать хочется, аж голова кружится! Откуда-то доносится запах жареной рыбы, так меня даже замутило от голода. Дурнота накатила и ноги затряслись от слабости. Если я в ближайшее время не поем... в общем – мое существование здесь долгим точно не будет. Сдохну бесславно, в канаве, пожива для портовых крыс. Противно.

Иду дальше, опустив взгляд, чтобы ненароком никого не затронуть, а сам кошусь по сторонам, фиксируя обстановку, фильтруя информацию, рассчитывая, анализируя обстановку. Просить я не умею, даже не представляю, как это делается... вот если в морду дать, или кошелек тиснуть – это я могу. Умею. Бурная юность в компании можно сказать отморозков – даром она не прошла. Воровать я умею, хотя никогда по-настоящему этого не делал. Опять же – я УМЕЛ, с теми моими пальцами, ловкими и длинными пальцами му-

зыканта. А тут...

Я посмотрел на свою бледную руку, на пальцы, ногти на которых были обломаны, или украшались отвратной черной каймой грязи, и мне стало тоскливо – все-таки наверное это наказание, оказаться в теле ничтожнейшего из ничтожных... Ну все равно как в бродячую собаку, подбирающую гнилую жрачку на общественной помойке. И за что мне это? Видать карма ушла в минуса...

Шагаю дальше по улице, уже не особо обращая внимания ни на прохожих, ни дома – одна, единственная мысль бьет-ся в голову: «Еда! Я должен добыть еду!». Уже и не помню, когда я был так голоден. Голоден до воя, до тряски, до боли в желудке! Может быть даже – никогда. Всегда находилась хоть какая-та еда, пусть это черствый кусок хлеба, или невкусная консервированная каша, или перловка на воде, но так чтобы вообще ничего, чтобы живот подвело от голода – нет, такого у меня не было.

В нос ударил густой запах пирогов с мясом. Рот наполнился слюнями, капелька вырвалась из уголка губ и побежала по подбородку. Я поднял взгляд и увидел толстую, пышущую здоровьем бабу лет сорока рядом с жаровней, накрытой частой решеткой, и на этой решетке румяные, сочные, такие соблазнительные пирожки! Каждый размером с две моих ладони! Господи, как я их хочу! Как хочу впиться зубами в сочный, румяный хвостик этого пирожка!

Откашливаюсь, и стараясь придать своему голосу как

можно более жалостливое выражение, прошу:

– Тетенька, дайте пирожок, пожалуйста! Я умираю с голоду!

– Пошел отсюда! Пошел, рвань! – завопила тетка визгливым, пронзительным голосом. И тут же еще пронзительнее закричала – Саган, тут нищий пристаёт! Клиентов отпугивает! Помоги!

Из дверей позади торговки появился здоровенный толстый мужик едва ли не на голову выше меня и тяжелее килограммов на восемьдесят. Он шагнул ко мне, уцепил меня за шкуру и легко, как котенка поднял в воздух. А потом перехватил второй рукой и шваркнул на мостовую – вот как баскетболисты передают мяч – хоп! И полетел это мяч через все поле туда, куда направила его сильная рука спортсмена.

Вообще-то тут все должно было и закончиться. Потому что «мяч» полетел прямиком под телегу ломового извозчика, нагруженную так, что из бочонков на ней образовалось что-то вроде пирамиды. Лошадь – здоровенная, мохноногая, огромная – явно напрягаясь тащила этот тяжелый даже для нее груз, а обитые сталью колеса повозки сотрясали мостовую так, будто мимо ехала не телега, а что-то вроде танка Т-64. Чудом я пролетел между ног лошади, от неожиданности всхрапнувшей и дернувшейся в сторону под ругань бородатого извозчика, и оказался ровно между колесами фуры – правое колесо прошло в сантиметре от моей правой ноги. Еще чуть-чуть, и меня раздавило бы примерно так же, как

если бы по мне проехал трамвайный вагон. То есть определенно перерезало бы пополам.

Повезло еще и в том, что я после удара о мостовую не потерял сознания, и даже успел откатиться в сторону, чтобы не быть затоптанным второй фурией, следующей за первой. Их было пять – огромные, тяжелогруженные, и все похоже что ехали в порт.

Периферией зрения я видел, как толстый мужик едва меня не убивший идет ко мне, шевеля толстыми губами (видимо ругаясь), но я уже поднялся и хромая заковылял прочь, преодолевая боль в ушибленном боку и ссаженной до крови ноге. Мне не хотелось жить в этом поганом мире, и теперь я понимал бывшего владельца тела. Только упрямство и нежелание сдаваться (спецназ не сдается!) гнало меня вперед. Не поддамся! Черта с два вы меня убьете, твари!

Остановился я только квартала через два или три, усевшись на камень возле дороги – больной, несчастный и голодный еще больше, чем был два часа назад. В голове мутилось от боли и голода, ребра болели, и похоже что парочка из них или сломана, или получила приличную трещину. И что теперь делать я совершенно не представлял. Ну совсем не представлял! Разве может современный земной человек, выросший в обществе, подчиняющемся куче законов, направленных на защиту прав и свобод человек, представить, что его можно вот так, походя, раздавить, как мышонка или крысенка. И никто за это не понесет никакой, даже самой малей-

шей ответственности. Разве за убитую крысу кто-нибудь может ответить? Или за сбитого из «воздушки» голубя. Просто забавная охота – убили, выкинули на помойку. Мусорщики подберут! Зато теперь город будет чище.

* * *

Яра, младшая дочь Главы Клана Орла пребывала в совершенно великолепном настроении. Наконец-то она вернулась в столицу из дурацкой, скучной, тоскливой провинции! Папенька засунул ее в дальнейшее поместье в наказание за слишком вольное поведение на балах и вечеринках. Оказалось – она слишком фривольно вела себя с парнями, и тем позорила звание дочери такого родовитого господина! Да чем она позорила?! Танцевала с парнями? Так для чего ходят на балы, как если не танцевать?! Флиртвала? Так ведь не допускала никаких вольностей, что бы там кто ни говорил!

И кстати – кто это все на нее наговаривал?! Скорее всего – сестрица Ойна, завистливая, мерзкая тварь! Это ее месть за то, что Керан из Клана Пантеры, наследник Клана, выбрал ее, Яру, для танцев, и во время танца нашептывал ей комплименты. И что, Яра виновата в том, что она красивее своей старшей сестры?! Ойна всегда наушничала папеньке, и всегда была его любимицей. Впрочем – как и у маменьки. Умеет сестрица изобразить из себя невинную и ласковую деточку! И только Яра знает ее подлый и коварный нрав! Эх, и доста-

нется кому-то такое чудо, муженек сто раз пожалеет, что женился на этой ядовитой змее!

Вернулась! Йо-хоо!

Яра высунулась из окна кареты, и с удовольствием вдохнула воздух столицы. Кто-то скажет, что в столице воняет, но для Яры это запах дома, запах веселья, запах жизни! Тут – движение, в провинции – застой и болото!

– Госпожа Яра, не высовывайтесь – неприлично девушке вашего статуса высовываться из окон кареты! – компаньонка Яры, дама среднего возраста и самой высшей степени нудности строго выговорила Яре, чем привела ту в состояние радостной ярости. И Яра в знак протеста высунулась из окна чуть не до половины туловища – а вот вам! Наоборот все сделаю!

Возчик на козлах вдруг выругался, да так грязно, что Яра довольно ухмыльнулась и решила запомнить его слова. В жизни пригодится! Карета толчком затормозилась и замерла, пропуская вылезавший из улицы справа здоровенный фургон, доверху нагруженный ящиками и мешками. На повороте длинный фургон зацепился колесом за фонарный столб, стоящий на перекрестке, и ось повозки опасно затрещала, угрожая переломиться и устроить ее хозяину большие-пребольшие неприятности. Только представить – во-первых фура перегорит половину улицы, где и так едва могут разъехаться две большие повозки.

Во-вторых, груз рассыплется по мостовой, а тут, в столи-

це, только дай повод – тут же налетит толпа стервятников, и хорошо если от ценного груза останется жалкая половина. А ведь еще надо и отремонтироваться! Как-то вызвать сюда мастера по ремонту фургонов! А вызвал – он запросит денег, да еще каких! Увидит безвыходное положение и нанет выкручивать руки!

Но ломовой извозчик заметил опасность, остановил фуру и теперь тихо-тихо, остороженько подавал ее назад, поливаемый отборной бранью кланового возчика, бывшего солдата имперской пехоты, служащего и возчиком, и телохранителем – если такое понадобится. Следом ехала охрана – двое бойцов верхами, но им ругаться с ломовиком было абсолютно лень. Это точно не входило в обязанности телохранителя, а объектам охраны ничего особо опасного и не угрожало.

Яре надоело слушать ругань возчика и разглядывать бьющегося с фургоном ломовика, и она переключилась на бредущих мимо прохожих, разглядывая их так, будто это были не обычные скучные горожане, а что-то вроде акробатов из бродячей труппы циркачей. Соскучилась по столице, точно!

Внезапно ее внимание привлек человек, сидящий на камне возле обочины – он выглядел забавно и в высшей степени странно – худое бледное лицо с огромными, запавшими в череп глазами. Голова странно острижена – светлые, почти белые волосы будто срезаны каким-то острым инструментом, да так грубо и неловко, что где-то они выстрижены под корень, а где-то торчали пучками, как у диковинного живот-

ного. Одежда незнакомца – Яра и не представляла, что ЭТО может кто-то носить! ЭТО даже непонятно как держится на худом теле парнишки! Ах да... точно. Это был паренек, возрастом примерно как и Яра – лет пятнадцать-шестнадцать, не больше. Голубые глаза смотрели куда-то в пространство над улицей, а сам паренек заметно и ритмично раскачивался, губы его шевелились, и он будто что-то напевал – для себя, как мантру, как если бы твердил заклинание! И выглядело это так смешно, так неожиданно, что Яра прыснула со смеху:

– Исильда, посмотри, какой смешной мальчишка! Ой, я не могу! Чего только в столице не насмотришься! Ха ха ха! Посмотри, что у него с головой!

И тут же Яре пришла в голову мысль – а надо отметить приезд в столицу добрым делом! А какое дело добрее, чем помочь первому встречному нищему? Как сказано в священном писании – когда Создатель пришел в город, то первым, кого он встретил, был убогий, покрытый язвами нищий. И нищий попросил у Создателя монету на пропитание. Создатель дал ему вирхем, и нищий тут же исцелился, прикоснувшись к напитанной благостью бога монете. И уверовал в святость Создателя, и пошел за ним, став одним из его адептов. То, что от монеты, поданной Ярой нищий мальчишка вдруг отрастит волосы на голове Яра не верила, она же не инкарнация бога, но почему бы хоть в чем-то не уподобиться нашему великому Создателю?

Она достала из маленького кошелька, украшенного жем-

чугом и голубыми камешками две полновесные серебряные моменты с профилем Императора, и хорошенько прицелившись, метнула их на колени мальчишке. Попала прямо в ТО самое место и радостно хихикнула, с легким румянцем подумав о том, что наверное отбила ему ... понятно – что именно.

Компаньонка сразу же принялась нудить, рассказывая что не надо быть такой расточительной с чернью и поваживать их дорогими подарками, и тогда Яра достала еще одну монету, и не глядя метнула ее в парнишку – просто из протеста и назло нудной тетке. И прикусила губку – монетка, которую она выудила из кошелька, оказалась золотой! Да еще какой – старинным вондом эпохи императора Мерескула, дедушки нынешнего правителя империи. Красивая монетка, она Яре нравилась. Но что делать, если так уже получилось? Все равно приятно – захотела, и обогатила этого смешного нищего! Вон как зашевелился, зажал монетки в кулачок, смотрит, будто оживший мертвец. И правда – странный парень. Бледный, голубоглазый, худой и длинный – из лесных ворков, что ли... видать помесь имперца и ворка. После воркской войны было захвачено много женщин и мужчин, их обратили в рабов, а после этого в империи появилось довольно-таки много помесей имперцев и ворков. Воркские женщины и мужчины всегда отличались своей красотой, особенно экзотичной на фоне смуглых и курчавых южан. Правда, это на любителя. Признаваться, что тебе в постели нравятся воркские мужчины – это в высшей степени неприлично. Все

равно как заниматься любовью с животными. Бррр! Яра даже помыслить такого не могла, даже в своих самых смелых и безнравственных фантазиях. Ну... если только иногда... говорят, что воркские мужчины неутомимы в постели и у них очень крупный... хмм... Тьфу! Яра даже зарделась от того неприличества, что сейчас прокралось в ее прелестную головку.

Наконец-то фургон ломовика расцепился со столбом, карета Яры двинулась вперед, и то ли ворк, то ли помесь ворка с имперцами остался далеко позади. И Яра выбросила его из головы – навсегда. Впереди – веселье, красивые родовитые мужчины, музыка и смех! А все плохое осталось далеко позади. Как и этот убогий бледный нищенка.

Глава 3

«Стеееепь... да стеееепь... кругооом... путь... далеоок... лежиит...» – не знаю, почему я пел эту песню. Вернее как пел – шевелил губами едва-едва, шипел, свистел и хрипел. А еще – раскачивался, как будто пел мантру. Что-то древнее, глубинное вылезло из недр души и заставило петь эту безнадежную, протяжную песню. Песню-прощание, песню-реквием.

Я умирал. Мой новый организм отказывался жить, и я ничего, совершенно ничего не мог с ним поделаться. Ты хоть сто раз скажи: «Халва!» – во рту слаще не станет. Ты можешь бесконечно повторять свои героические слова о преодолении, о том, что сдаваться суть позор для мужчины, но если в желудке уже который день пусто, если нет энергии для поддержания жизнеобеспечения тела – ляжешь и помрешь, как растение, засохшее без полива. И никакой, никакой надежды на улучшение положения у меня нет. Спасти может только чудо, а в чудеса я не верю. Даже после переселения моего сознания в новое тело. Слишком для этого материалист и циник.

Что-то ударило меня в пах – больно, еще бы чуть ниже, и точно я бы свалился от удара по гениталиям. Что, меня уже камнями забивают? Ну что же... последний бой! Так просто я вам не сдамся! Зубами буду рвать мразей!

Фокусирую взгляд, и вдруг вижу у себя в подоле две монеты – белые, блестящие, крупные такие – величиной со старинный дореволюционный рубль. Похожи на рубли времен Петра Первого – и профиль на аверсе монеты будто с Петра. Курчавый большеносый мужик смотрит в пространство, надменно выпятив толстые губы.

Сижу, зажав монеты в кулаке, соображаю, откуда прилетело такое чудо. Соображать трудно – от перегрева на солнце и от голода мутится в голове, сухой язык не смачивается слюной – ее просто нет. Дурак я – уселся прямо на солнцепеке. Белая кожа уж могла бы мне тонко намекнуть на некоторые толстые обстоятельства. Почему я такой бледный? Да потому что не переношу прямых солнечных лучей! Не загораю!

Еще что-то в меня летит, и я автоматически ловлю это «что-то» прямо в воздухе. Реакция у меня есть, да. Моя реакция, Петра Синельникова. Этот лох, в чьем теле я нахожусь, реагирует на все с трехсекундным замедлением. Я же приучил себя к молниеносной реакции – иначе ведь не выживешь. Иначе я не продержался бы на войне битых двадцать лет.

Конечно, никто не гарантирует от случайности – пуля-дура, она летит в одно место, а прилетает в другое, ей достаточно коснуться веточки, или ощутить дуновение ветра, и пошла в сторону, но... бог меня миловал. Ранен неоднократно, и даже довольно-таки тяжело, но... каждый раз полностью восстанавливал свое здоровье. И снова пускался во все

тяжкие. Ну а что еще делать, если я не умею ничего, кроме как воевать? Если у меня нет ни семьи, ни детей (вот это спорный вопрос – женщины-то у меня были, и не только те... пониженной социальной ответственности), если я привык спать вполглаза, а на удар отвечать двумя, смертельными ударами? Если гражданская жизнь для меня пресна и даже глупа?

Посмотрел на пойманный предмет, и даже не удивился – после двух здоровенных «рублей» поймать золотую монету размером с николаевский империал – не есть ли это настоящее, правильное завершение чуда? Ну как бы конечная точка чуда – мол, вот ты не верил в него, ты злобный циник, погрязший в своем неверии и атеизме, а вот на тебе! Получи! И что теперь скажешь? Опять не веришь в божественное Провидение, и в то, что чудеса существуют?

Нет, я не уверовал. Во-первых, потому, что для этого мне тупо не хватало соображалки – меня так и мутило, голова кружилась и ноги тряслись. Во-вторых... одного случая... нет – двух случаев для того чтобы так уж сильно уверовать – этого недостаточно. Надо все обмозговать, прикинуть, и на основании полученных данных уже прийти к правильному выводу. Так делают настоящие ученые!

Ну а пока что следует отсюда валить, и как можно быстрее. Мой инстинкт просто-таки кричал, требовал: «Убегай! Ты получил то, за что тебя могут убить! Уноси добычу!». Так хищник, с огромным трудом поймавший кролика тут же

утаскивает его в кусты, дабы уберечь от сильных и злых конкурентов. Не уследишь – из зарослей выскочит лев и сожрет не только твоего кролика, но может и тебя самого. Потому – забейся как можно глубже в какую-нибудь глухую нору и сиди там, наслаждаясь теплым мясом и сладкой, еще не застывшей кровью. Я сейчас тот же самый хищник, животное, руководствующееся только самыми простыми и низменными инстинктами – есть, пить, испражняться. И уберечь свое жалкое тело от посягательств более сильных хищников.

Монеты я сунул за щеку – а куда еще их девать? Нести в руках? Руки должны быть свободны, хотя бы для того, чтобы уберечь тело при падении, амортизировать удар о землю. Положить в карман? Да какие, к черту карманы у этого ветхого тряпья?! А во рту, за щекой, монетам лежится очень даже хорошо, и не уроню, и не потеряю. А если случайно проглочу... так они когда-нибудь все равно меня покинут.

Я брел по улице, сам не понимая, куда иду. Переходил перекрестки, заворачивал в переулки, стараясь выбирать те улицы, на которых было как можно меньше прохожих. Инстинкт меня вел. И как-то так оказалось, что я все-таки выбрался из города почти в то место, откуда начал свое погружение в новый мир.

Пока шел – мозги немного прочистились. Видимо движение разогнало застоявшуюся кровь, ну и мою волю сбрасывать со счетов совершенно не нужно. Почувяв, что у меня есть шанс на выживание, я буквально заставил организм слу-

шаться и делать то, что надо в настоящий момент времени. А надо было спрятать добычу там, где ее никто не достанет, и потом отправиться на поиски пропитания – с одной серебряной монетой в потном кулачке. Я ЗНАЛ, что в руках у меня довольно-таки большой куш, и был намерен не позволить отобрать у меня хоть малую его часть. И без приобретенной из чужой памяти информации я знал, что золотая монета, особенно такого феноменального размера – это невероятная ценность, можно сказать фантастическая ценность для обычного человека средневековья. Большинство крестьян в той же Руси за всю свою жизнь не видели ни одной золотой монеты. Максимум – серебро самого низшего уровня, а чаще всего – медяки. Да и не только в средневековье – например уже почти в наше время, при царе Александре Первом солдатам давали жалованье медными монетами в одну-две копейки. Кстати – двухкопеечную монету тех времен так и называли в народе: «солдатки». Только представить – сколько может стоить серебряная монета размером с рубль! И что на нее можно купить! А таких монет в золотой монете содержалось целых двадцать штук! И опять – знание пришло изнутри, из памяти парнишки, имени которого я так и не узнаю.

И опять я ошибся. Через двадцать минут я знал, как меня зовут. Мне назвали мое имя. Или не имя, а то прозвище, каким меня называли тут, на улице.

– Тут он! Тут! – услышал я задыхающийся голос за стенами развалюхи – Тут он прячется! Я проследил!

Насторожившись, затаился за кучей мусора, рассчитывая отсидеться, но... не получилось. Четверо парней лет шестнадцати-восемнадцати ругаясь и сопя влезли через полузасыпанный выход и встали полукругом, шарясь взглядами по углам моего жалкого обиталища. Само собой, мое присутствие тут же было обнаружено.

– Вот он! Попался! – радостно завопил высокий плечистый парень, что стоял в центре – Ну что, Кел, попался?!

Это он уже мне. И теперь я знаю – Келлан. Меня зовут Келлан! А этого типа – Сайдан. И я его ненавижу!

– Тебе же сказали, ворковское отродье – иди, и сдохни! И чтобы не появлялся в городе – никогда! – Сайдан эти слова прокричал, сделав как можно более зверскую рожу. Но я, Петр Синельников, он же Синий – видел перед собой всего лишь пацана-переростка, который строит из себя крутого парнюгу. А крутой он только перед теми, кто не может дать ему сдачи. Перед такими как Келлан, тощий, голодный, забитый и гонимый.

– Что там тебе дала эта девка?! Давай сюда, и возможно мы не сильно тебя изобьем! – хохотнул Сайдан, оглядываясь на своих поделльников, которые тут же начали подобострастно хихикать – А может и убьем! Но не больно! Чик! И ты уже пошел на колесо перерождения! А там уже может и родишься богачом! Хочешь стать богачом, Кел? Небос, тогда на нас и не посмотришь!

Они все хохотали, захлебываясь, брызгая слюнями. Как

все ничтожные, обиженные судьбой людишки, эти мелкие твари считали, что поднимутся, втоптав в грязь еще более убогого, еще более несчастного, чем они. Ведь есть с чем сравнить. Они живы – а этот убогий мертв. Или искалечен так, что едва ползает возле их ног. Приятно!

Я был спокоен, как танк. Муть в голове рассеялась, было ясно, как солнечным сентябрьским утром в сосновом бору. Я все прекрасно осознавал и был готов, насколько можно быть готовым – таким, каким я сейчас был. Да, убогое тело, да, не та сила и реакция, но у меня за спиной двадцать лет войны, а еще – десятки уличных драк, в которых я участвовал с переменным успехом. В самом начале получал по роже, а потом – начал хорошенько отвечать, и в нашей компании (не называть же ее шайкой?) считался одним из самых сильных бойцов. А может и самым сильным. И при этом истово берег пальцы – ведь не зря же у меня было погоняло Музыкант!

Теперь я готов на все. Теперь я увидел – кто здесь закон, и что тут стоит человеческая жизнь. И да – спецназ не сдастся!

Я встал, сжимая в руке за спиной подобранную с земли пожелтевшую трубчатую кость сантиметров двадцати длиной. Один ее край закруглен, как и положено нормальной кости, второй – острый осколок, торчащий вперед как наколечник копья. Не нож, конечно, но при умелой работе вполне сойдет за оружие. Если у тебя нет ножа – это ничего не значит. Всегда можно использовать сучок дерева, камень, кость – что угодно, лишь бы этот предмет подходил для твоей за-

дачи. А задача одна – вывести из строя противника так, чтобы он никогда больше не смог нанести тебе ущерб. А когда противник не сможет нанести ущерб? Тогда, когда он мертв. И я не собирался жалеть этих тварей!

Сайдан ударил меня совершенно неожиданно – вот только что он стоял, говорил, и глумясь и хохоча, и тут же, без всякого перехода ударил меня ногой в пах. Вернее – попытался ударить. Я пропустил его удар мимо себя, чуть отшагнув в сторону, и без замаха, снизу вверх воткнул желтую грязную кость Сайдану прямо под челюсть. Кость вошла практически до самой «рукояти», то есть до моего кулака, я выдернул ее, и не прекращая движения шагнул вперед.

Следующей моей жертвой стал парень в кожаной безрукавке, расстегнутой, или вернее развязанной по-полной и обнажающей плоский рельефный живот. Именно в живот, в печень он и получил короткий пробивающий тычок. Кость вонзилась так же легко, как и в шею предыдущему противнику, раненый парень глухо охнул, схватившись за рану и широко раскрыв свои темные, удивленные донельзя глаза.

Третий из свиты Сайдана сунул руку в карман, видимо хотел что-то из него достать – может нож, может кастет – но и тут я успел раньше него. Кость вошла парню в правый глаз, и он завыл, закрутился на месте, хватаясь за кровавую дыру, из которой обильно текла пахучая красная жижа, ну а я уже двигался к четвертому, вдруг сообразившему, что здесь что-то пошло не так.

Четвертый – толстоватый увалень в цветастой рубашке и коротких, до середины икр штанах попятился с криком: «Ты чего?! Ты чего, стой, сука!» – и подвывая от страха пополз по куче щебня и камней, торопясь поскорее выбраться на волю из этой комнаты, вдруг ставшей могильным склепом для его соратников. Я не стал его догонять. Поднял с земли круглый булыжник размером с апельсин и прицелившись, метнул его в беглеца. Булыжник с глухим стуком и хрустом врезался в затылок парня, и пацан упал навзничь, дергая ногами и хрипя в последних предсмертных судорогах.

Удостоверившись, что противник мне не угрожает, я вернулся к одноглазому, который завывая стучался о стены комнаты, вероятно очумев от страха и боли и пытаясь найти выход из этой камеры пыток, и без малейших эмоций загнал ему свое импровизированное оружие прямо в сонную артерию. А потом отшагнул назад, чтобы брызгающая фонтаном кровь не залила меня с ног до головы. Когда он упал, я потянулся туда, куда покойник тянул руку, и в самом деле обнаружил ловко пришитые на изнанке рубахи узкие ножны с вложенным в них тонким, бритвенно острым ножом.

Нож тут же оказался у меня в руке, и чтобы правильно довершить начатое – я обошел лежащих на земле противников и аккуратно, чтобы не порвать одежду и не слишком ее перепачкать в крови – добил почти уже покойников. И чтобы лишнего не мучились (я же не зверь!), и чтобы не издавали лишних звуков (вдруг кто-то окажется рядом?). Ну и просто

для того, чтобы якобы умерший ни с того, ни с сего не поднялся на ноги и не воткнул мне нож в мою глупую башку. Всегда нужно удостовериться, что якобы насовсем умерший враг не «якобы», а все-таки отправился в мир иной. Слишком много я видел примеров совсем обратного.

Кстати – и сам я пример такой вот ошибки сирийских «бесов». На их месте я бы не стал подходить к умирающему противнику, тем более прекрасно зная, что такое наш, русский спецназ. Я бы прострелил башку псевдопокойника издалека, не рискуя и не подставляясь под минную ловушку. Но это же я! А им лишь бы поглумиться над умирающим, лишь бы поскорее добраться до тела и доставить мне как можно больше страданий! Вот и получили за свои нетрадиционные поганые склонности.

Закончив свои грязные делишки, я позволил себе расслабиться, и попросту свалился рядом с трупами, сделав несколько шагов в сторону чтобы ненароком не упасть в лужу крови. И потерял сознание.

Сколько времени провалялся – не знаю. Только когда я заставил себя подняться и подошел к одному из трупов – тот уже начал коченеть, а значит прошло не менее двух часов. Отключив эмоции (что было в общем-то совсем не сложно, в моем-то состоянии), я приступил к работе. Первым делом – обыскал трупы, сложив в кучку на кусок доски все, что нашел в карманах и поясах мертвецов. Так, у меня в руках оказались полтора десятка мелких монет, одна маленькая се-

ребряная, а также три серебряных перстня с небольшими красными и зелеными камешками. Наверное, необработанные рубины и маленький изумруд. Можно сказать – бросовые камешки, но каких-то денег все равно стоят. В поясе одного из парней нашелся кусок лепешки и небольшой кусочек вяленого мяса, и тогда я оставив все свои дела плюхнулся на землю и долго, тщательно пережевывая съел это сокровище, порадовавшее меня больше, чем все найденные на трупах деньги. Я и не заметил, как проглотил всю еду, ничуть не гнушаясь тем, что лепешка с края была испачкана кровью своего бывшего хозяина. Мне не до сантиментов и брезгливости, мне сейчас надо выжить.

Нашлись еще два ножа и шипастый кастет, удобно легший в мою довольно-таки широкую ладонь. Ну да – я тощий до самого предела, но вообще-то кость у меня широкая, и плечи не такие узкие, как следовало бы ожидать. Интересно, почему такой достаточно высокий и мосластый парень оказался в эдакой мерзкой ситуации? Неужели он не мог дать отпор обидчикам? Неужели не мог заработать денег хоть каким-то трудом? Ну даже попрошайничеством, и то! Вот я сегодня только лишь уселся на краю дороги, и мне тут же прилетели три дорогие монеты! Или он был таким несчастливym, что не подавали и самого малого медяка?

Все может быть. Откуда я знаю, что ему пришлось вынести? Может он был эдаким пацифистом, для которого забрать чью-то жизнь хуже, чем умереть самому. Но я не та-

кой. Бойтесь, твари! Я уже начал составлять список тех, кому должен воздать по заслугам! И первый в списке тот здоровенный мордоворот, который едва не лишил меня жизни. И его подруга, которая радостно смеялась, глядя на то, как я хромая убегаю по улице, спасаясь от неминуемой смерти. Как там сказано? Какой мерой меряете – такой и вам отмерено будет.

Затем я раздел покойников, сняв с них все, до нитки. Мертвецам барахло ни к чему, а мне надо что-то надеть. Что-то поприличнее, чем ветхая рухлядь, едва прикрывающая тело. Опять же – никакой брезгливости и самокопаний. Человек на грани смерти не имеет права на всяческие рефлексии.

Теперь встает вопрос – а что мне делать с трупами? Куда их прятать? И надо ли вообще их прятать? Скорее всего, никто не знает, куда и зачем бежали эти парни. А если даже и знали – кто может предположить, что такой доходяга как я может положить четверых сытых и здоровых парней? Засмеют ведь! Только бы не засыпаться на чем-то таком, о чем я сейчас и подумать не могу. На чем? Ну... например вот на этой кожанке. Увидит кто-то знакомый меня в этой кожанке, и сразу же вспомнит, кому безрукавка ранее принадлежала. И захочет узнать – где я ее взял. Особенно после того, как хозяин жилета перестанет появляться в условленном месте. Ведь эти четверо входили в большую банду, которая промышляла кражами и грабежами на портовом рын-

ке и в прилегающих к нему улицах. Можно сказать – входили в гильдию воров. Отстегивали бабосики городской страже, сильно не зарывались, пощипывая торгашей и мореходов, и... жили себе, не тужили. Пока не докопались до меня! Не в добрый час докопались, точно...

Нет, не буду я их трогать. Пусть лежат тут, гниют, пожива для крыс и червей. Самое им место – на помойке. А я возьму вот эту простую рубаху, эти штаны, эти полусапожки – они как раз мне по ноге, и почти новые. Особых отметок на них нет, так что вряд ли кто узнает какие-то там башмаки. Пояс возьму – вот этот. В него все деньги, кроме небольшой горстки мелочи, медяков – их в карман. С медяками я пойду в трактир и накуплю себе хлеба, а еще – какой-нибудь похлебки подешевле. И наемся от пуза!

И тут же охнул – резь в желудке заставила меня согнуться в три погибели. Не надо было так набрасываться на еду! Я ведь не ел уже давно, наверное несколько дней. Так что после долгого голодания мне следовало есть осторожно, и лучше жиденького. Вот только как мне дойти до места, где мне дадут жиденького, если в желудке не было ничего съестного уже неделю, а последние силы я отдал, убивая этих придурков?

Посижу немного, соберусь с силами, пройдет, ничего...

В город я отправился уже под вечер. Живот отпустило, я искупался, прежде чем надеть новую одежду. Предварительно осмотрел ее на предмет обнаружения насекомых. Убедился, что ничего такого на ней нет, но все равно выполоскал в морской воде, хотя и знал, что потом буду чесаться от ввевшейся в ткань морской соли. Надо было отмыть кровь, не тащиться же по улицам города в пропитанной кровью одежде? Хорошо хоть прорезей нет в подозрительных для опытного глаза местах.

Кстати, не пригодившуюся одежду я все-таки не бросил, пожадничал. Сложил ее стопкой и засунул повыше, под самый потолок в отдушину на стене. Пусть лежит, вдруг когда-нибудь пригодится. Мне теперь любая материальная ценность как самое настоящее сокровище. Туда же сунул лишние ножи и кастет.

Ну вот, теперь можно и в путь. Ноги уже не так трясутся, одежда не такая страшная, как была – вполне даже ничего одежонка! Крепкая и неброская. Сапожки можно сказать – щегольские. Рожа только у меня не та, чтобы так просто не бросаться в глаза. Как там они называются, мои так называемые соплеменники? Ворки? Лесные ворки, ага... Это что получается, я что-то вроде здешнего... эльфа? Хмм... уши у меня вроде как нормальные, не длинные, а то что кожа белая,

так мало ли какие расы бывают. Здешний народ все больше смуглый, что-то вроде арабов, но я видел и бледных, видел и краснокожих, и негров видал – их, кстати, тут полным-полно, рядом с портом. Крупный порт, тут кого только нет!

Но об этом я подумаю потом, когда набью живот более-менее приличной едой, а еще – соображу насчет крыши над головой. Ночевать на помойках я больше не намерен. И сделаю для этого все возможное и невозможное. Денег хватит надолго, если их экономить – это я ЗНАЛ, как и знал, что разменять золотую монету будет очень непросто. И не потому, что на нее не найдется охотников – все с точностью наоборот: на нее найдется слишком много охотников. А потому мне надо быть настороже, и точно нельзя эту самую монету засветить. Вот обвыкнусь, осмотрюсь, и уже тогда решу, каким образом ее реализовать.

Кстати, до сих пор не пойму – с какой стати эта девка бросила мне монеты? Да, я все-таки успел заметить – это была девчонка. Смазливенькая такая, губки пухленькие, глаза большие... мечта, а не девчонка!

Хмм... стоило мне забросить в желудок кусочек мяса, так мое молодое тело сразу же потянуло на приключения? Девки заинтересовали? Выбросить из головы эту чушь! На войне никаких девок! Если только это не гурии в мусульманском рае... Но я не мусульманин. Да и верующий из меня такой, что... в общем – «пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Верил я всегда только в свою верную руку, и в

развитую способность избегать неприятностей. Чутье у меня на пакости, которые готовит судьба. Не всегда получается их избежать, но... интуиция, она же чуйка, редко меня обманывала. Иду, хочу сделать очередной шаг, и вдруг – рраз! Нога повисает в воздухе. Не могу ее опустить, и все тут! А потом оказывается – там, куда хотел поставить ногу – противопехотная мина. Оторвало бы ступню напрочь, и живи убогим калекой. Вот откуда узнал, что там мина? Сам не знаю. Только и скажешь – чуйка! И она меня не раз уже спасала. Двадцать лет на войне – это тебе не шутки. Волей-неволей начинаешь чують беду.

Но пока ничто и никак беду не предвещало. Нос чуял запах жареного мяса и свежеевыпеченного хлеба, так что путь мой лежит сюда – в здоровенный двухэтажный дом под вывеской, на которой нарисована здоровенная веревка, больше похожая не свернувшегося удава, и написано голубым по желтому фону: «Причальный канат».

Хмм... так я, оказывается, еще и читать умею на местном языке?! Ну что же... спасибо тебе ушедший брат за подарок. Все-таки зря ты ушел, может все бы и образовалось? Хотя вряд ли. Ты точно бы не смог сломанной бедренной костью замочить четверых гопников. Чую – не смог бы. Ты же хрупкое интеллигентное создание – типа эльф! Не такой отморозок, как Петр Синельников с позывным Синий. Не горжусь этим. Просто констатирую факт.

Глава 4

В нос ударило густым запахом пряностей и мяса, и у меня снова потекли слюни. Не могу сдержаться, и все тут! Буквально рефлекс! Осматриваюсь в большом, вытянутом вдоль окон зале. Ищу место, куда можно присесть. Вообще-то мест более чем хватает – занято всего два шестиместных стола, и то наполовину каждый – по четыре человека за столом. Но я ищу не свободное место, а то место, на котором мне будет удобно и безопасно сидеть. И это тоже рефлекс. Не организма, а моей души. Я должен видеть вход, и за моей спиной никто не должен находиться. Это как у кавказцев, а конкретно у чеченцев – самое почетное место, место на котором сидит хозяин дома – это за столом напротив двери, напротив входа в дом. Так хозяин дома может первым встретить и почтить гостя, или первым встретить врага с оружием в руках. Я перенял этот обычай – волей, или неволей. Достаточно долго был на Кавказе. И не просто «был».

Сел в самом дальнем углу, спиной в этот самый угол. И видно всю залу, и никто сзади по башке не даст. Из окна, закрытого кусочками мутного стекла на тяжелый стол темного дерева падает свет, но вообще-то в зале довольно-таки светло. И самое что интересное – светло не потому, что горят какие-то там факелы, или на худой конец коптящие масляные фонари – нет, ничего подобного! Свет такой, как если

бы горели неоновые фонари! Под потолком цепочкой вдоль всего зала висят на цепочках прозрачные сосуды, похожие на маленькие бутылочки, и в них ярко сияет небольшой белый шарик, светимость которого точно не меньше чем у электрической стоваттной лампочки. А может даже и поярче.

Меня заметили, две подавальщицы стояли возле обычного «столовского» окна для выдачи блюд, и зорким взглядом озирали окрестности. Молодые крепкие женщины, одетые в нечто вроде сарафанов, и в передники, закрывающие эти самые сарафаны от шеи и до самых коленей. Бабы, как бабы, ничего особенного – косы, стянутые лентами, слегка подведенные глаза, нарумяненные щеки. Эдакие стилизованные под старину официантки в каком-нибудь загородном ресторанчике.

Когда заметили нового посетителя, одна из них что-то сказала своей напарнице, той, что пониже, напарница смерила меня взглядом и дернула правым плечом. Вероятно, это должно было означать: «Да ну его, нищету эту! Успеет, пусть подождет!». Ясное дело – обслуживать группу пьяных купцов или мореходов гораздо выгоднее, чем бедного и трезвого парнишку. Их и обсчитать можно, и сдачу могут подарить за красивые глазки. А от этого бродяжки чего ожидать?

После десяти минут ожидания я было намерился махнуть рукой и чего-нибудь крякнуть этим двум адепткам общепита, но тут появилась третья подавальщица, и от ее вида у меня вдруг трепыхнулось сердце – сам не знаю, почему. Вы-

сокая, худая, со светлыми волосами, собранными в толстую длинную косу, она кого-то мне напоминала, кого-то из моего прошлого, или вернее – прошлого хозяина тела. Бледное лицо, странная походка – женщина ступала мягко, будто плыла по тяжелым, вытертым тысячами ног половицам трактира. Подавальщицы ей что-то сказали – каждая по очереди – и женщина пошла ко мне, спокойная и неулыбчивая на грани мрачности и тоски. Было видно, что свою работу она исполняет только потому, что другого выхода у нее нет. Но никто не может заставить улыбаться и радоваться тем, кого она сейчас обслужит. А еще я заметил у нее на шее обруч, похожий на собачий ошейник, и на нем – жетон, похожий на те, которые вешают собакам за победы на выставках. На жетоне что-то написано, но я не сумел разглядеть – что именно. Хотя и так знал, что там указано имя рабыни и принадлежность хозяину. Да, это была рабыня. Я это знал.

– Привет – сказала женщина, подойдя к моему столу, и я увидел, что она гораздо моложе, чем мне показалось с первого взгляда. Лет двадцать пять, не больше, а может и того меньше. Жесткое и хмурое выражение ее лица старило, да и одежда, которая на нее была надета – тоже не молодила. Женщина... нет, все-таки девушка – постаралась себя как можно сильнее состарить и сделать как можно более непривлекательной. Ни грамма косметики, никаких румян, и... ходить чуть сгорбившись, чтобы грудь не распирала сарафан. Я все это отметил сразу, опытным взглядом сорокалетнего

тертого-перетертого мужика, и тут же сделал самый логичный вывод – неспроста она все это делает. Не зря старается казаться как можно менее сексуальной. Хотя это скорее всего ей помогает не очень... то-то такая хмурая и ожесточенная. И да – она тоже из ворков.

– Привет – бесцветным голосом сказала подавальщица – Будешь что-то заказывать?

Я посмотрел ей в глаза, пытаюсь поймать взгляд, но так ничего и не получилось. Она упорно смотрела куда-то в сторону, под ноги, на стол, но не на меня. Привычка? Или ее заставили так делать?

– Послушай – сказал я негромко, на пределе слышимости – Мне нужна помощь. Я не ел много дней, и боюсь, что после обильной еды мне станет плохо. Деньги у меня есть, не беспокойся, но не так много, чтобы особо жировать. Помоги мне, если можешь!

Она впервые посмотрела мне прямо в лицо, и я все-таки заметил в ее глазах какие-то отголоски эмоций. Подавальщица не сразу ответила, но голос ее немного изменился, стал как-то человечнее, что ли...

– Я могу тебе принести жидкой мясной похлебки и мягкого ржаного хлеба. Это самое дешевое, что есть, и как раз будет для тебя. Только все-таки покажи деньги...

Я достал из кармана мелочь, положил на стол. Подавальщица кивнула, взяла из кучки три медяка и жестом показала: «Убери». И словами уже добавила, тоже очень тихо, как и я:

– Не показывай деньги. Тут всякие бывают. Отнять деньги у ворка – за тебя никто даже и не вступится. Нас тут не любят.

Я кивнул, спрятал деньги и стал дожидаться, когда мне принесут заказ. Ждать долго не пришлось – тарелка с кусками мягкого, пахучего хлеба и здоровенная чашка с горячим варевом стояла передо мной уже через пять минут. А еще – глиняная кружка с холодным, практически ледяным содержимым, по запаху – слабенькое пиво. Я бы предпочел что-то вроде сока, или просто чистой холодной воды, но пусть будет пиво. Кто знает, какая здесь вода – еще заразу подцепишь. А мне только дизентерии сейчас и не хватало – до полного так сказать счастья.

Не чувствуя вкуса, не обращая внимания на соленость и наперченность варева, я медленно, ложку за ложкой вливал его в себя, зачерпывая со дна разваренные кусочки мяса и каких-то овощей. Откусывал от хлебного ломтя, и наслаждался, чувствуя, как с каждой ложкой, с каждым кусочком этого пахучего чуда в меня возвращаются утеранные силы. Выхлебав чашку на треть, я замер, давая желудку привыкнуть – слишком уж он отвык от большого объема пищи. Остановиться было трудно – организм просто выл, требуя пищи, и как можно больше, но мой разум, разум опытного, выдавшего виды человека управился с неразумным телом. Нет, минут двадцать посижу, привыкну, потом и еще поем.

Так и сидел над чашкой, маленькими глотками отпивая из

кружки холодное пиво, по вкусу напоминающее «Жигулевское» или «Ячменный колос». Само собой – пива элитных сортов в припортовой таверне не следовало ожидать, но и это пойло оказалось гораздо лучше, чем подумалось с первого взгляда. Нормально тут варят пиво.

Пока сидел, осоловелый, вялый и растаявший как мороженое в стаканчике, зал постепенно наполнялся – люди все прибывали и прибывали. А я их разглядывал, будто смотрел постановку, сериал из жизни средневековой Земли. Вот не знал бы, что это другой мир с двумя лунами и совершенно неизвестным языком, никогда бы не поверил, что это не Земля. Ну, ничем особым эти люди не отличались! Цветные шаровары? Так их носили во все времена! Сабли, мечи и кинжалы? Да каких только не было, даже боевые серпы имелись где-то там на востоке! Шейные платки? Даже не смешно. Рубахи в узорах – пальмы, розы и в горошек? Без комментариев. Негры, индейцы, европейцы, смуглые испанцы и бледные северяне – и эти есть! Викингов надо? А вон, что за рожи сидят в углу напротив меня, через залу? Да за одни рожи им лет по пять надо давать! Рыжие, бородатые, плечистые, у одного рожа перечеркнута шрамом практически напополам и нос смотрит немного в сторону. А вот надо было правильно штопать! И гипсовать носопырку, тогда бы его не перекосило! Впрочем, его этот шрам ничуть не беспокоит, как и отсутствие передних зубов справа внизу и сверху. Видать неизвестное оружие не только развалило нос, но досталось и

зубам. Ну и чего? Хохочет так, что на их стол оглядываются с недовольными физиономиями. Опасливо так оглядываются, никто не хочется связываться с отморозенными мордоротами.

А вон там сидят мои... хмм... братья? Или как их еще называть... соратники по духу? Да черт с ним, как они называются... я «своих» чую за километр! «Серые гуси», «солдаты удачи», вот кто это такие. Наемники. Сидят так же, как и я, лицом к выходу, пьют довольно-таки много, но взгляды остаются острыми, трезвыми, эти ребята всегда живут «на щелчке», это когда флажок предохранителя со щелчком сдвинут в положение «огонь». Они в своей жизни много кому наступили на любимую мозоль, им есть чего опасаться. И точно готовы дорого продать свою жизнь.

Я знаю таких людей. Сам такой. И даже если нам когда-нибудь придется сойтись в смертельной схватке – мы поймем друг друга и не будем издеваться над трупом противника, как это делают бородатые «бесы». Война – наша работа, и мы ее делаем хорошо. Откуда знаю, что хорошо? Так те, кто делает ее плохо, давно уже лежат в земле сырой. Если тебе под сорок, и ты с такой работой все еще жив – это чего-то да значит. Эти шестеро парней когда входили, первым делом обвели весь зал по секторам – двое впереди себя, двое слева, двое справа. И не места искали – они мониторили посетителей на степень их возможной опасности.

Вот там жрут и пьют трое стражников из уличного патру-

ля. Ну, этим надень ментовскую форму – получатся типичные ППС. Пожрать и выпить на халяву – святое дело! Они ведь поддерживают порядок на улице и в трактире, а значит, помогают трактирщику вести бизнес. И почему он тогда не должен их угостить? А то ведь можно и кое-каких неприятностей ему подгрести. Например – потрясти посетителей на предмет их причастности к каким-нибудь преступлениям. Ну вот похожи их рожи по описаниям на тех, кто вчера обобрал купца, торгующего пряностями, точь-в-точь такие у них рожи! А потом можно и оштрафовать хозяина за то, что его девки не получили патент для занятия проституцией! А ведь всем известно – хочешь заниматься этим добрым делом – вначале получи патент, сделай осмотр девок у городского лекаря на предмет дурных болезней, и потом еженедельно делай таковые осмотры – согласно указу еще предыдущего императора, заботившегося о здоровье своих замечательных подданных. Не хочешь? Эдак можно и в темницу загреметь – до выплаты крупного штрафа! В общем – со стражей лучше тебе и не ссориться. Не стоят оленьи пироги и рыбная похлебка таких вот, понимаешь ли, треволнений.

Откуда у меня все это всплывало? Из памяти парня, это точно. И про патент я знал, и про то, что стражники бухают на халяву... и даже про осмотр у врача! Интересно, как же такой умный и знающий парень вдруг оказался на улице в самом что ни на есть бедственном положении? Почему-то память об этом мне ничего не выдает. Уходя, закрыл дверь к

этим знаниям? С какой целью? Может что-то очень интимное? Про семью, например?

Плохо. Это очень плохо. Мне бы хотелось знать о мире как можно больше. Например – что здесь стоят деньги. Вот, к примеру – сколько мелких серебряных монет содержится в большой серебрухе... Оп! Ага! Золотая монета – вонд! Она старая, полновесная, больше нынешнего золотого вона раза в два. В старом вонде содержатся двадцать крупных серебряных монет, называемых статерами. В каждом статере – тридцать мелких серебрушек с ноготь мизинца размером, они называются файтами. Или двадцать крупных медных монет, размером со статер, эти называются вирхемами. Вирхемы встречаются не очень часто, они как и вонд – старые монеты. Как всегда – инфляция, монеты худеют, цены растут. В каждом файте – десять мелких медяков, за которые я сейчас и ужинаю. Эти называются полками. Десять полков – один файт. Есть еще иностранные монеты, но в них мой ушедший в небытие Келлан похоже что не разбирался. Помнится только, что иностранными монетами занимаются менялы на базарах и всяческих таких людных местах. Идешь к меняле, он тебе разменивает монеты – за вычетом процентов, конечно. До десяти процентов за один размен. Если не надул с курсом, конечно. Но тут уже ничего не поделаешь.

Ага! Теперь понятно – если я хочу поменять свой золотой на мелкие монеты – надо идти к меняле. Вот только к какому? Чтобы не надул с разменом, и чтобы вообще не ки-

данул с деньгами. Возьмет монету, и... иди отсюда! Чего ты стоишь? Я же тебя не бью! Какая монета? Не знаю никакой монеты! Страаажaaa! Этот оборванец на меня наезжает! Помогите, уважаемые господа! В темницу негодяя!

А что – вполне реальный сценарий. На кой черт что-то отдавать оборванцу, когда можно забрать все? Что может сделать эта шантрапа? Кто за ним вообще стоит? Денег захотел, глупый мальчишка!

Нет, все-таки плохо, когда память вылезает так трудно, и только тогда, когда я усиленно о чем-то думаю. А заранее предупредить – влом? А если бы не подумал?

За моим столом уже сидели. Трое мужчин, скорее всего купцы. Разговаривали о ценах на какие-то ткани, спорили о том, будет ли поднята таможенная пошлина, или же какой-то там клан не сумеет протолкнуть свой проект указа через императорскую канцелярию. Из бурных споров я понял, что некий клан монополизировал производство то ли ситца, то ли наоборот шелка (я не разбираюсь в названиях тканей), и чтобы ткань из соседских стран не смогла конкурировать с местной – лоббирует свои интересы на самом высшем уровне. Вводятся запретительные пошлины, и значит... развивается контрабанда. Нормальное явление, чего уж там...

В очередной раз окинув взглядом таверну, я нашел знакомую воркскую подавальщицу, и внимательно в нее уставившись взглядом добился того, что она на меня посмотрела. Известное дело – если ты долго смотришь на человека, он

чувствует твой взгляд. Иногда это мешает – например, если ты хочешь незаметно подойти к человеку и воткнуть ему нож в спину. Будешь фиксировать эту самую спину взглядом – субъект может оглянуться в самый что ни на есть неудобный момент. И прострелит тебе башку. Некоторые люди чувствуют взгляд очень хорошо (такие как я), а есть «толстокожие», на них хоть обсмотришься. Подавальщица была из первых. Посмотрела, и я тут же подал ей знак, мол, подойди! И она подошла.

– Хочешь что-то еще заказать?

– Не сейчас – я улыбнулся ей, постаравшись, чтобы улыбка была как можно сердечнее – Можно здесь снять комнату? Переночевать?

– Можно – пожала она плечами – Но будет стоить фэйт за ночь. И кроме кровати и матраса в комнате ничего не будет. Хочешь поудобнее – встанет еще дороже.

– А помыться? Есть тут где?

– Мойня – снова пожала она плечами – Горячая вода, кусок мыла. Стоит три полка.

– Хорошо – решил я – Комнату за фэйт, и мойню. Кому платить?

– Можешь – мне – вздохнула она – Пойдем, провожу тебя в мойню. А в комнату – потом ко мне подойдешь.

Душ, как душ. Вода течет из медной трубки над головой. Горячая, да – за день так нагрелась... емкость с водой на крыше. Кусок полотна – вместо полотенца. Кусочек мыла –

черного, резко пахнущего деревом. Дегтярное? Так оно мне сейчас в самый раз... заразу-то выводить. Насекомых, если они остались. Хотя и не должно уже быть...

Одежду тоже прополоскал – морскую соль удалял. Выжал как следует, и надел мокрую. Жара, скоро и так высохнет.

Комната? Это не комната, а какой-то пенал. Кровать, грубо сколоченная из толстых досок, на ней матрас, усыпанный подозрительными пятнами. Внимательно осмотрел лежище – слава богу, клопов вроде нет. Комната явно используется в основном как место отправления естественных сексуальных надобностей. Снял девицу, поднялся с ней наверх, вот тебе и сексодром. И таких сексодромов, пока шел, насчитал по коридору не менее тридцати штук. Кстати – слышимость тут как в хрущобной пятиэтажке, где я провел свое детство и юность. Сосед все время докапывался, что я своим брэнчанием на гитаре мешаю ему отдыхать после трудовой смены. Слышимость – если прислушаться, можно разобрать, о чем говорят соседи за стеной. Тут же все еще печальнее – все стоны, все пыхтения и рычания, все слышится так, как если бы процесс происходил в полуметре от меня.

Впрочем, я всегда умел спать в любых условиях – пусть орут рядом, пусть музыка играет, если это безопасно, если это не несет угрозы моему существованию, так наплевать мне на посторонние звуки! А вот команда «в ружье» меня поднимет даже из гроба.

Тут же главное чтобы задвижка на двери была исправна,

чтобы я имел запас времени, если какой-то придурок начнет эту самую дверь ломать. Любую дверь можно сломать, а эту, сколоченную из тонких досочек – даже я, доходяга, вышибу с пятого удара. Но задвижка все-таки имеется, так что можно будет успеть достать тот самый ножик, которым я расправился со своими обидчиками.

Закрыл за собой дверь, вставил в пазы толстый брус-завдвижку, осмотрел кровать, матрас, и не снимая сапог, не раздеваясь, свалился на тонкий матрас. Впервые за все время в новом мире я был сыт, и вроде бы в относительной безопасности. Конечно же расслабляться не стоило, но я был доволен – все-таки вышел из затяжного пике, едва не приведшего меня к смерти! Если бы не монеты, которые бросила мне девчонка... спасибо тебе, неизвестная богачка! Даст бог – когда-нибудь отплачу. Я умею помнить добро и отдавать долги.

Но это будет потом. Когда-нибудь. Сейчас мне надо как следует отдохнуть, а завтра определиться с планом действий. Первым делом я должен найти себе крышку над головой. И это будет не таверна со шлюхами, и не заброшенное, полуразрушенное здание. Мне нужно снять комнату, или целый дом. Найду жилье – тогда и буду думать о том, как заработать денег. Время на это у меня теперь есть.

Спал беспокойно, «на щелчке», но... спал. По крайней мере, уже не на куче мусора, а на условно-мягком матрасе. Пусть даже и без подушки. Проснулся далеко за рассветом, по прикидкам – где-то к обеду. Мокрый от духоты, царящей в комнате – окошечко маленькое, даже не окошко, а что-то вроде вентиляционного отверстия. Ну как в общественном сортире.

Кстати – посетил и его. И что удивило – наличие крана с водой, для понятных целей. Что ни говори, а с гигиеной тут не совсем уж такой упадок, как в средневековой земной Европе, где помои и испражнения плескали прямо на улицу. Главное было – трижды прокричать предупреждение: «Берегись! Берегись! Берегись!» – а потом можно и говнами залить с головы до ног. То-то европейцы любили носить широкополые шляпы и всяческие плащи – даже в сухую погоду.

В пустой таверне заказал ту же похлебку, что и вчера, хлеба, пива, и уже без опаски наелся до отвала. После вчерашней трапезы чувствовал себя вполне неплохо, еда прижилась без каких-то либо проблем. Так что сейчас я уплетал нехитрую жарчку так, что только за ушами пищало. Съел, запил пивом, и почувствовал себя в силах отправиться на завоевание этого мира. Оранжевой лошади у меня нет, шпаги тоже, зато есть острый ножик, которым можно если что и коше-

лечек подрезать, а если надо – и как следует отделать слишком грубого хама. Деньги на месте, в поясе – кроме мелочи и одного блестящего статера (в кармане). Вот им и займусь в первую очередь. Из памяти всплывает, что самый большой рынок находится здесь, в порту, вернее – рядом с портом. Но мне туда нельзя. Вдруг узнают соратники тех парней, который я вчера порешил. Могут и поспрошать – куда подевались их задушевные корешки.

Есть и другой рынок – поменьше, но почище. Он находится почти в центре города, так и называется – Центральный базар. Туда ходят закупаться слуги из богатых кварталов. Мясо, зелень, мука – все там есть, как и на портовом рынке, но в порту и качество хуже, и закупка в основном оптовая. На Центральном рынке – мелкий опт и продукты качеством повыше. Ну и кроме того, вокруг Центрального рынка ряды лавок и магазинчиков, в которых продают одежду, обувь, и все, что нужно человеку среднего достатка, а также тем, кто любит покупать всяческие редкости и деликатесы. И соответственно на этот рынок и в эти магазины ходят люди, у которых в кошельках брякают не только жалкие медные полки, но и кое-что поувесистее. Срежешь такой кошелек – может надолго хватить. Если только тебя не поймают...

Глава 5

– Смотри, смотри! Это третий драконий легион! Точно, они!

– Да откуда ты знаешь?

– Да вон, смотри – у него за спиной флажок! Точно, третий легион!

Я оглянулся, увидел двух мальчишек лет десяти, восторженно смотрящих в небо. Посмотрел и я... и чуть не ахнул: над головой, примерно на высоте пятнадцатизэтажного дома бесшумно скользили огромные крылатые твари. Драконы. Самые настоящие драконы, как с картинки художников! Темно-синие брюха, красные гребни, зеленые разводья по бокам. Драконы блестели на солнце и выглядели ненастоящими – компьютерные игрушки, да и только! Но нет – даже отсюда было видно, как мощные мышцы ворочают широчеными перепончатыми крыльями – мускулы под кожей переливались, сокращались, надувались и опадали. А всадники на спине чудовищ казались такими маленькими-маленькими, и как это мальчишка умудрился разглядеть этот самый флажок за спиной переднего всадника?

Да, на каждом драконе сидели по два всадника, и на самом деле после размышлений становилось ясно – почему не один. Это как на штурмовике – кто-то ведь должен охранять хвост? Пока ты штурмуешь колонны противника – мессер

может подкрасться и всадить в тебя очередь! Ну а передний всадник отвечает за управление и атаку наземных объектов. Очень даже разумное решение!

Я был доволен своей сообразительностью настолько, что сам факт наличия вот таких штук, свободно перемещающихся по воздуху, не вызвал у меня совсем никакого отторжения. Наверное потому, что я был подготовлен к зрелищу летающих по небу драконов фильмами, книгами и всем тем, что я знал о драконах на Земле. Как-то и не задумывался, что некое существо в несколько тонн весом ну никак не может летать по небу, да еще и нести на себе приличный груз в виде двух своих наездников. Ну не может, да и все тут! Физические законы не позволяют! Не зря у птиц кости трубчатые и очень хрупкие, легкие – каждый лишний грамм веса – огромный расход калорий, затраченных на перемещение в воздухе. То-то птицы должны постоянно и очень много есть, чтобы восполнить запас жизненной энергии. Читал, что некоторые птицы съедают в сутки объем пищи весом равный ее собственному весу. Ученые как-то подсчитали, что синичка-гаечка съела пищи весом в 183 процента ее собственного веса. То-то у них и температура тела очень высокая – обмен веществ гораздо выше чем у млекопитающих.

А тут – драконы! Тонны бронированного мяса! И как они умудряются эту массу поднимать в воздух? И что стоит прокормить такую ораву рептилоидов?

Впрочем – государство обычно не смотрит на стоимость

оружия, которое вынуждено иметь в своем арсенале. Главное, чтобы оно было разрушительным, страшным, максимально эффективным. Что, дешево содержать ракетный крейсер? Или авианосец? Да каждый выстрел противотанковой ракетой стоит десять тысяч баксов! Наверное, это дороже, чем прокормить одного дракона, равного по мощи какой-нибудь тактической ракете.

Но не берусь судить. Просто размышления, и ничего больше. И мне очень даже интересно смотреть на пролетающую над головой эскадрилью. Или три эскадрильи – не знаю, как тут у них это называется: это были девять драконов, в каждом звене по три штуки. Впереди один дракон, два чуть сзади, по бокам. И два таких звена следом – так же, справа и слева. Реально, красивое зрелище. Смотрел бы, да смотрел.

Вот только нехрена у меня по карманам лазить! Зараза... стоять, бояться!

Поймал шаловливую ручонку на входе в мой правый карман, зажал, чуть вывернув кисть. Пацаненок заверещал, заплакал:

– Пусти! Пусти, урод воркский! Люди, люди, ко мне ворк пристаёт! Люди, помогите!

Тут же из толпы выдвинулись два гопника-мордоворота с наглыми, сытыми мордами:

– Чо пристал к мальцу, извращенец! Давно в морду не получал? Ща свистнем стражу, тебя живо определяют в камеру к таким же извратам, как и ты! Пусти мальчика, придурок!

Отпускаю руку мальчишки, тот отбегает и показывает мне язык. Я ухмыляюсь, и настроение у меня почему-то ползет вверх. Мордоворотов я не боюсь, в случае чего подрежу, и пикнуть не успеют. Только им ни к чему устраивать свару и светить свои рожи. Люди не дураки, прекрасно понимают, что к чему. Шарахаются подальше и держат карманы. Для карманника лучше всего, чтобы вокруг было спокойно, чтобы человек шел расслабленным лохом и думал только о хорошем. Тогда и можно будет как следует пошарить у него по карманам.

Поворачиваюсь, и не обращая внимания на шайку карманников шагаю по улице дальше. По мере приближение к Центральному базару, людей на улице становится все больше, и люди более-менее приличного вида, не такая шантрапа как я, или как эти мордовороты, прикрывающие мелкого воришку. Замечаю, что от меня если не шарахаются, то стараются отстраниться, пройти стороной чуть подальше, чем следовало ожидать. Ну типа как от гопника, который воняет перегаром и гнилыми зубами, а еще – может пошатнуться и ухватиться за тебя грязными лапищами. А то может и ножиком пырнет! Он же ненормальный, алкаш! Стоит опасаться!

Мда. Одежда у меня не по размеру, да и явно не подходит для приличного общества. Только сапоги приличные, и те надеты на босу ногу. Кстати – терпеть не могу носить обувь на босу ногу – запросто натрешь мозоли, а кроме того – обувь будет вонять застарелым потом. Так что или носки, или луч-

ше всего – портянки. Если ты в сапогах, конечно. Само собой – в берцах только носки. В последние годы я обычно ходил в «Коркоранах» – дорогие, сволочи, но зато и мозолей не набьешь, и ботинок не развалится за считанные дни. Да и ноге спокойнее – все-таки усиленные, со стальными вставками. Говорили – что даже от противопехотной мины спасают. Но чего не знаю, того не знаю – слава богу, не проверял.

Если я хочу спокойно ходить в приличных кварталах – мне надо найти нормальную одежду. Я уже примерно знаю, как должен выглядеть прилично одетый парень. Их на улице более чем достаточно (косятся на меня, падлы... рожи строят!). Неброская рубаша, неброские штаны – мимикрия, это наше все. В пустыне нужен пустынный камуфляж, в городе – приличная городская одежда.

Кстати, если я собираюсь найти себе более-менее приличное жилье, искать его нужно в нормальной, подходящей для того одежде. В приличный дом такого оборванца как я и не пустят. А уж моя прическа... для порта она может и сойдет, но ходить таким в приличных кварталах... вон, на меня уже стражники поглядывают, переговариваются...

Ускорил шаг, каждую секунду ожидая окрика и готовясь побежать, но обошлось. «Менты» отвлеклись на какого-то бедолагу, который тащил на плече здоровенную сумку. Мысль понятна – в сумке что-то лежит, и наверное поценнее, чем содержимое карманов задрипанного нищего парнишки. И тогда зачем тратить время на мелкого ублюдка? Лучше

пошариться в сумке у этого ворюги! Ну конечно же ворюга – кто еще таскается по улицам с набитыми тяжелыми сумками? Приличные люди нанимают экипаж! Или хотя бы носильщика с тачкой.

До рынка дошел через час. Большой все-таки город. Для средневековья, так и вообще огромный. Одно то, что у него имеются два рынка... оп! Вспомнил! Четыре! Четыре рынка! Еще – на окраине города лошадиный рынок, он же рынок скота, где можно купить и стадо баранов, и стадо лошадей, а еще – невольничий рынок. Ну, там уже понятно кого продают...

Кстати, опять всплыло из памяти – как бы не попасться охотникам за рабами. Запросто можно попасть – такому как я. Это добропорядочного горожанина нельзя забирать в рабство – узнают, найдут свободного гражданина обращенного в рабства – рабовладельца повесят. А вот такого как я, нищего, одинокого, да еще и ворка – это запросто. Наденут ошейник, и давай, служи до самой смерти! Или забьют до смерти – и это может быть. Есть законы, которые защищают рабов, но кто узнает, что делается за стенами дорогих особняков, за заборами поместий? А если и узнают – кто предъявит родовитому горожанину претензию за то, что он до смерти замучил какого-то там строптивного раба? Ну, получилось так, и что? Имеет право наказывать нерадивых слуг! Кто может отнять у него это право?

Интересно, как так вышло, что я свободен и на мне нет

рабского ошейника? Может я беглый раб? А кто тогда помог мне снять ошейник? Ведь это очень непросто! Ошейник защищен магией!

Стоп. Какая-токая магия?! Магия?! Здесь есть магия?! Самая всамделишная?! Хмм... наверное, глупый вопрос. Если тут летают драконы, почему бы не быть магии? Кстати – светильники в таверне – за счет чего горели? Я как-то об этом особенно не задумывался, не до того было, а сейчас вот и подумал. Сытый человек сразу начинает соображать получше, чем голодный. Соображать, собирать информацию и ее анализировать. Что я сейчас и делаю. Самочувствие у меня прекрасное, отдохнул, наелся, голова ясная и светлая – самое время все обдумать.

Этот рынок точно был почище, чем портовый. Прилавки крытые, защищены от солнца и осадков, продавцы в добротных халатах, достаточно свежих и не засаленных на вид, овощи, зелень, мясо и рыба разложены красиво, как на картинке, да и сами продукты посвежее и почище, чем в порту. Про цены спрашивать не стал – какая мне разница, сколько это стоит? Узнаю, когда-нибудь. Мой путь лежит вон туда – к будочке, на которой написано: «Цирюльник». На самом деле конечно же не цирюльник, но мой мозг сделал мгновенный перевод с местного языка и нашел ему точный аналог. Как и на Земле в средние века – этот типус делал то, что и его европейский аналог, а именно – стриг волосы и бороды, дергал зубы, удалял волосы из носа и ушей, и даже зашивал

мелкие раны. Ну, распахал себе руку какой-нибудь незадачливый мясник – куда ему бежать? К лекарю далеко, да и дорого. Он к цирюльнику – тот и кровь остановит, и зашьет рану. И возьмет за это сущие пустяки. Может воспалиться? Боишься? Так иди к настоящему лекарю! Плати ему статер, а то и два! Не хочешь? Тогда рискуй.

Цирюльник был толстым мужиком моего роста, но весом раза в три больше. Подкрученные пышные усы делали его похожим на немецкого бюргера времен кайзера Вильгельма, плотным же телосложением он напоминал штангиста советского времени. Тогда я еще смотрел телевизор, и очень любил глядеть Олимпийские игры. Мечтал, что когда вырасту, буду таким же большим и сильным. Ну как вот эти дядьки, с гиканьем и уханьем поднимающие тяжеленные штанги. Штангистом, слава богу, мне стать не довелось – они долго не живут. Да и конституция у меня была не та, чтобы стать таким вот широким как шкаф.

Парикмахер оказался мужиком довольно-таки добродушным, услышав мою просьбу ухмыльнулся, и сказал, что за пару медяков сделает то, что мне и нужно. Хотя можно было бы обойтись и без этого – волосы отрастают быстро, так что через пару недель никто бы и не посмотрел на мою обезображенную «стрижкой» голову. Объяснять я ему не стал, так что через двадцать минут шагал по мостовой с налысо обритой головой. Цирюльник убрал оставшиеся после моей самопострижки неровные пучки волос, и теперь голова у ме-

ня была гладкой, как бильярдный шар.

Следующим был магазинчик готового платья, и привлёк он мое внимание небольшой табличкой в окне – там было написано: «Большой выбор недорогой качественной мужской одежды, в том числе и бывшей в употреблении». Секонд-хэнд? Это то, что мне сейчас нужно. Надеюсь, это не скупщик краденого, и его рубахи не имеют характерных разрезов на спине. Так-то мне плевать, но... все равно это дело не по душе.

К моему удивлению, хозяином лавки, или вернее хозяйкой, оказалась симпатичная молодая женщина лет под тридцать, стройная и фигуристая, одетая неброско, но со вкусом. Ее наряд был чем-то средним между мужской одеждой и женской – эдакий самурайский стиль. Штаны-юбка, приталенный кожаный жилет, светлая шелковая рубаха под жилетом. Еще я заметил у нее на поясе довольно-таки приличных размеров то ли нож, то ли кинжал. И поставлю сотню против одной монеты – девица этим кинжалом работать умела.

Кстати, заведя меня на пороге своего магазинчика, она как бы невзначай положила руки на пояс рядом с рукоятью кинжала. Наверное неосознанно, просто наработанный рефлекс. И еще – от нее просто-таки веяло уверенностью в себе и силой, как от старого, опытного вояки. Из бывших? Служила в армии, или наемница? Чую «родную кровь», эта женщина видала виды, с первого взгляда можно увидеть. Кстати – небольшой шрам на левой скуле возле уха. Да, точно, баба

не простая.

Нет, ей больше тридцати – просто хорошо сохранилась. Подошел ближе к прилавку – стали видны и морщинки, расходящиеся от глаз, и вертикальные складки в уголках губ, и самое главное, взгляд – тяжелый, многоопытный, не ожидающий ничего хорошего от такого посетителя, как я. Однако и гнать меня женщина не стала. Чует покупателя, чует выгоду. Ну а мне надо с ней быть поосторожнее. Тело мое не тренированное, в случае чего – не знаю, смогу ли справиться с опытной наемницей. Это не базарных гопников душить, опытный боец стоит десятка таких уличных придурков. Впрочем, возможно я еще рановато кипешуюсь, посмотрим, как сложится разговор.

– Слушаю! – начала разговор женщина своим хрипловатым, резким голосом – Что хочешь?

На язык напрашивались всякие хохмы вроде: «Дворец, толпу девушек в гарем, и пять белых слонов!», но, слава богу, сдержался. Что-то меня разморило после усиленного питания, на юмор потянуло. Я так-то всегда любил похохмить, иногда за свою любовь к хохмам получал некоторые проблемы. Потому, кстати, старался не пить спиртного – оно развязывает язык и снимает запреты. При моей любви к шуткам, и при достаточно серьезных умениях – любая драка могла закончиться неприятностями. Что и было – дважды. Даже вспоминать не хочу. Пошутил по поводу желтой рубашки и красного галстука у одного бизнесмена в ресторане – вспом-

нил, что до революции красный галстук был чем-то вроде опознавательного знака гомосексуалистов. А еще – красный платок. Они так опознавали своих. Я возьми и ляпни это одному из своих приятелей за столом, мол, времена возвращаются. И этот, в желтой рубашке, услышал. Оказалось – какой-то там мелкий чиновник с крупного департамента, и все такое. Он меня вызвал во двор, да не один... ну что сказать... стоило это мне полтора миллиона. Пятьсот тысяч ментам, чтобы дело закрыли, лимон этому, в красном галстуке – за сломанную челюсть. Другьям его повезло больше. Или мне повезло? Если бы и им что-нибудь поломал, денег пришлось бы отдавать больше.

Второй раз... в общем – после этого я уволился из армии и ушел в ЧВК. После ранения долечивался в госпитале, и туда пришел следователь военной прокуратуры, расследовать наши преступления на Северном Кавказе. Какие преступления – я так и не понял. Что-то там где-то пропало, какие-то материальные ценности – типа бензин, тушенка. А еще – мы похитили с трупов убитых боевиков крупные суммы долларов и все такое прочее. Вел он себя паскудно, наезжал, видимо в расчете, что я сейчас прямо так потеку и сознаюсь, что взял тридцать штук с бородатого беса (А я взял, только откуда этот гад узнал? Кто сдал?), но ничего у него не вышло. А потом я встретил его в ресторане, уже после выхода из госпиталя. И сравнил этого недомерка с макакой – прилюдно, выбирая самые обидные выражения. В общем – сло-

во за слово, и... пришлось потом уволиться. А следовательно десятку баксов отстегнуть. За сломанный нос.

Все, с тех самых пор не пил – даже если соратники на этот счет хохмили. Отшучивался в душе тяжелых солдафонов – мол, триппер у меня, а при такой смешной болезни пить ничего крепче колы не рекомендуется. Кстати – тогда у меня и появился позывной «Синий» – он не только от фамилии, но еще и от полной противоположности чертам характера и облика. Ну это как бывает – позывной «Малыш», например, дают мужичине двух метров роста и ста сорока килограммов веса. Или погоняло «Тощий» дают человеку поперек себя шире. Ну юмор такой у людей просыпается! До ЧВК мой позывной был «Музыкант». Как и погоняло в уличной компании.

Да ну мне в общем-то наплевать, как меня называют. Главное – чтобы уважали, или хотя бы боялись. Иначе жизни никакой не будет. В армии, как и на зоне – если не поставишь себя, потом жизнь покажется адом.

– Хочу прилично и недорого одеться – четко отрапортовал я – лучше всего в бывшую в употреблении одежду. Чтобы люди от меня не шарахались.

– А чего лысый? – без всякого смущения спросила женщина.

– Вши – пожал я плечами – Пришлось сбрить волосы. Это имеет какое-то значение?

– Да в общем-то, нет – пожал плечами женщина – Если

только не натрясешь мне здесь этой пакости. Деньги есть?

— Есть — я достал из кармана статер — Этого хватит, чтобы прилично одеться?

И тут же ко мне пришло понимание — еще как хватит! Штаны, бывшие в употреблении — пять-десять файтов. Рубаха — то же самое. Плюс еще останется на носки, шейный платок, и на головной платок. Я видел, здесь носили что-то вроде бандан, особенно моряки, так что ни у кого не вызовет интереса бандана на голове какого-то парня.

— Маловато! — с сожалением вздохнула женщина — Еще статер, и мы что-нибудь тебе подберем. И вообще — может он у тебя фальшивый? Ты где его взял?

Я положил статер на прилавок, усмехнулся:

— Тебе какая разница, где я его взял? Смотри — фальшивый, или нет. Можешь укусить, и даже на него помочиться, если тебя это успокоит!

Глаза женщины чуть сузились, но она ничего не сказала. А я выругал себя за длинный язык — ну вот нафига я это ляпнул? А зачем она меня злит? Где я взял, да не фальшивый ли! Как бы не пришлось с ней бодаться!

Женщина осмотрела монету, потом посмотрела на меня долгим, тяжелым взглядом. Вот рупь за сто — решала, кидануть меня, или нет. И чем может обернуться кидок. Монета вполне увесистая, хорошая, а я всего лишь какой-то там ворк. Одетый в черт знает какую одежду, тощий и совершенно безобидный. По крайней мере с первого взгляда.

Но с другой стороны – кто знает, а вдруг меня кто-то подослал? Вдруг за кидок придется ответить? И тогда я устался ей в глаза, и эдак неприятно, криво усмехнулся. И похоже, что у меня получилось – женщина отложила монету на прилавок и посмотрела на меня уже нормальным, не таким уж и хищным взглядом. Ну а я продолжил:

– Послушай, хозяйка... я знаю, что моего статера хватит на все, еще и останется. Кинуть с деньгами ты меня можешь, но потом будешь иметь огромные проблемы. (она снова прищурилась). Давай мы сейчас сделаем наше дело – спокойно, как два разумных человека, и ты получишь прибыль, а я – приличные шмотки, такие, чтобы народ от меня не шарахался. И возможно я буду у тебя постоянным клиентом.

Каким клиентом – я не уточнил. То ли покупателем, то ли... продавцом. Вспомнилось барахло с покойников, которое я спрятал в развалинах. Приспичит – продам этой бабе. Похоже что она не брезгует скупкой краденого. Ну что же... каждый зарабатывает как может. Не мы такие – жизнь такая!

– Меня звать Келлан – после небольшой паузы продолжил я – А тебя?

– Аурика – тоже после паузы ответила женщина, и добавила после некоторой заминки – Парень, ведь ты ворк? Или воркадин?

Помесь ворка с имперцами – сразу вспомнилось мне. Нет, я точно не помесь. Чистокровный ворк. О чем я тут же и сообщил Аурике.

– Странно – недоверчиво помотала она головой – Ворки не такие... хмм... решительные, как ты. Я много видела воров. Ваше племя сломалось, в вас нет стержня. Вы сдались. Вы неспособны бороться. А ты... ты какой-то другой. Откуда-то приехал? Чьего ты рода?

Я промолчал. Мне нечего было ответить. Ну не рассказывать же, что я вообще ничего не знаю о происхождении своего носителя! Что я вообще-то червяк, который засел в мозг парнишки шестнадцати лет! Эдакий мозговой глист, который управляет новообретенным телом. Интересно, что бы она сделала, если бы я такое ей заявил? И вообще – как у них тут относятся к одержимым? Ну вот вселился в чье-то тело... некто! И что с ним делать? Обряд экзерцизма? Хе хе... смешно. До слез.

Я промолчал, и предложил заняться делом. Через полчаса передо мной лежали вполне приличные брюки, чуть великоватые, но не висящие на мне как на пугале (как прежде), рубаха светлого полотна, носки, бандана – все, что я в общем-то и хотел. Пришлось померить – прямо возле прилавка. Когда мерял рубашку, старую положил на прилавок – нож, спрятанный в тайном кармане стукнул о дерево столешницы, и снова глаза Аурики сузились, будто у стрелка при выборе цели. Она прекрасно поняла, что у меня лежит в этом самом кармане. Но ничего не сказала.

Кстати сказать, тут я впервые увидел свое отражение в полный рост. Это была полированная и залитая специаль-

ным лаком здоровенная панель, используемая именно как зеркало. Похоже, что как и в земном средневековье, настоящие зеркала были очень дороги, и доступны только богатым людям. Но ничего, мне хватило и этого эрзац-зеркала. Из него на меня смотрел очень худой, но плечистый парнишка с огромными, на мой взгляд, даже непропорционально огромными глазами. Лицо правильное, даже красивое. На мой взгляд – излишне красивое. Не люблю я таких красавчиков! Я-то никогда не отличался красотой, особенно когда мне разбили носовые хрящи. А тут... чертов красавчик, да и только! Музыкант! Вот это настоящий музыкант! Ему не хватает только серебряных локонов, и получится чертов эльф! Тьфу, в общем. Никогда не любил эльфов. Нет, орки тоже не вызывают у меня умиления, но эти красавчики... неприязнь у меня к ним, да и все тут.

Расстались мы с Аурикой почти друзьями. Я оставил у нее в магазине весь статер, а за сдачу попросил проконсультировать – во-первых, к какому меняле обратиться, чтобы он меня не кинул, и чтобы дал нормальную цену за мою монету (я не стал говорить про золото – мол, статер надо разменять). А еще – попросил подсказать, где можно снять приличное жилье, и чтобы не очень дорого. Она охотно откликнулась на мои просьбы, дала координаты хоть и не очень дешевого менялы, зато не спрашивающего, откуда взялись деньги, и не кидающего чужака.

И назвала адрес, куда мне следует обратиться насчет жи-

ля. И эдак походя мне пояснила, что если я обижу хозяйку дома, то она найдет меня где угодно, и легко отрежет мне мою дурацкую башку. Чего бы это ей не стоило. Я заверил, что никакого желания кого-то обижать не имею – если только он сам не обидит меня. А кто обидит меня – и недели на свете не проживет.

В общем – помахали перед носом друг друга заряженными пистолетами и спокойно убрали их в кобуру. Обычное дело – на Кавказе, к примеру, любят понтоваться. Невзначай достать ствол, ну так, типа проверить его... и потом покурить, сидя на корточках. Крутой мужик! Зону топтал! Хе хе...

Здесь все то же самое. Люди все-таки везде одинаковые. Щелкнул некто пальцами, и создал нас... непутевых. Разбросал по вселенным. А мы все такие, какими и созданы. Просто люди. И нас испортил квартирный вопрос.

Глава 6

Аурика проводила взглядом странного посетителя и усе-
лась на табурет, опустив руки на столешницу. Да, странный
парень. То, что он чистокровный ворк не вызывало никакого
сомнения. Помеси совсем другие. У них нет такого чистого,
ясного синего цвета глаз, нет такой белой, нетронутой зага-
ром кожи. Но при всем этом парень полностью выпадал из
рамок представления Аурики о городских ворках. Он был
дерзким и опасным – она чувствовала это так же явствен-
но, как запах нечистот, идущий от общественного сортира
на базаре. Парень все время старался скрыть свою дерзкую
натуру, но получалось у него это так, как если бы кто-то на-
бросил на колючий кактус тонкое льняное полотно. Иголки
вылезают и норовят поранить до крови.

Нет, Аурика, в отличие от простых горожан, никогда не
считала всех ворков жалкими пацифистами, подставляющи-
ми правую щеку, когда их ударили по левой. Да, городские
ворки в большинстве своем именно такие – результат де-
сятилетий работы воркских священников, прославляющих
непротивление насилию, и как награду за это – посмертное
возвышение настоящего праведника. Аурика всегда знала,
что эти самые священники работают на Империю, и за счет
этого очень недурно живут. А воркское большинство – стадо
баранов, которое идет туда, куда прикажут эти самые пасты-

ри. И кстати сказать, Аурика всегда поддерживала такую систему – не хватало еще восстания ворков! Уж кто-кто, а она-то знала, что такое настоящие ворки, остатки которых прячутся в густых, непроходимых лесах Мангурии на востоке Империи, в предгорьях великого хребта Манга. Плодородные земли степей всегда привлекали переселенцев Империи, тем более что государство поощряло тех, кто желал поселиться на границе, выделяя им безвозвратные ссуды, а также беспроцентные кредиты для того, чтобы поселенцы как следует закрепились на опасных, но таких лакомых землях, ранее принадлежавших воркам. Опасных потому, что время от времени не сдавшиеся на милость победителей ворки выходили из леса и напрочь вырезали поселения захватчиков целыми деревнями, не щадя ни женщин, ни детей. А еще – нельзя было просто так войти в Мангурский лес. Вернее – войти в него было можно, но вот выйти... это большая проблема.

Аурика в пятнадцать лет ушла служить в имперскую армию, и попала как раз на Мангурскую границу. Туда, где только что прошла банда непримиримых ворков. И это потрясло ее настолько, что она три дня не могла есть не то что мясо, но даже кусочек лепешки попавший к ней в рот, вылетал наружу вместе с содержимым пустого желудка. Она блевала желчью даже просто вспомнив о том, что увидела в одном из домов, в котором некогда жила большая семья фермеров. Даже сейчас, по прошествии двадцати лет, вспоминая

эту картину Аурика сжималась и внутри ее все холодело.

Тогда Аурика возненавидела ворков. Она научилась быть быстрой, ловкой, безжалостной и непобедимой. Девушка стреляла из лука почти так же точно, как известные этим искусством ворки, она дралась на мечях и кинжалах не хуже, чем самые умелые мужчины. И если по силе Аурика уступала умелым бойцам, то по умению обращаться с оружием превосходила многих и многих. И еще – она была бесстрашна, как разъяренная дикая кошка. Ей было безразлично, сколько противников перед ней стоят – главное, добраться на расстояние точного удара, а потом уже посмотрим, кто тут сильнее и быстрее.

Ее заметили, возвысили, сделали командиром взвода пограничников, потом – командиром роты. Никто не мог ей сказать, что как женщина, Аурика находится не на своем месте. Никто – без того, чтобы лишиться зубов, или захлебнуться своей собственной кровью. Ее прозвали Бешеная, и она знала об этом. И даже гордилась данным ей прозвищем. Ей было всего двадцать лет, а двадцатилетние смотрят на мир немного иначе, чем люди старшего возраста.

Но шли годы, Аурика становилась старше, и то, что казалось очевидным, вдруг стало видеться странным, и даже вызывать глухое раздражение. Ну, например – за каким чертом империя совала своих подданных в эту мясорубку? Нет, не карательные батальоны, вроде того, в котором служила Аурика – это в конце концов ее служба, ее работа. Речь о

крестьянах, которых отсылали на верную гибель. Неужели империи так не хватает земли? Неужели нельзя было договориться с ворками и разделить сферы влияния? Почему эмиссары империи буквально настаивали, чтобы поселенцы вырубали, выжигали леса, в которых живут остатки некогда великого народа ворков? Зачем дразнить этих существ, которые берегут свои деревья, как любимых домашних животных? Ну, вот с какой целью, кто отдал приказ найти священное дерево одного из поселений ворков и срубить его напрочь, попутно осквернив могилы их предков, находящиеся у подножия древесного великана? И что потом последовало? Да, большая резня в Кангуне, где лесные ворки уничтожили полторы тысячи лесорубов, золотоискателей и крестьян. Сложив из голов имперцев целую пирамиду на площади перед муниципалитетом.

Аурика уволилась из армии, получив от нее выходное пособие, на которое можно прожить год – если не особенно шиковать, а еще – три десятка шрамов самого разного размера и расположения. Самый опасный был на животе – стрела-срезень ворка распорола ей брюшину, и Аурике пришлось самой зашивать себе длинную, чуть выше пупка рану, сквозь которую можно было разглядеть сизые вонючие кишки. Хорошо, что с собой был порошок вайлима, напрочь снимающий боль и выключающий принявшего его через двадцать минут после обезболивания. Аурика успела заштопать рану и вырубилась, надеясь на то, что ворки не вернутся чтобы ее

добить.

Но ей повезло. И рана не загноилась (она промыла ее из фляги крепким вином двойной перегонки), и мятежные ворки не вернулись, а из леса ее вынесли как ни странно тоже ворки. Два ворка, служившие в пограничной страже в качестве следопытов и лучников. Да, кстати сказать – в страже было достаточно много и чистокровных ворков, и полукровок от имперцев и других племен. Их брали на службу без каких-то там препятствий, и даже с большим удовольствием. Ибо поступившим на службу воркам не было дороги в лес. Лесные мятежники считали их существами гораздо худшими, и если умудрялись поймать такого предателя – участь его была намного страшнее, чем участь обычного воина имперца. Лесные ворки знали толк в пытках, и предатели-ворки умирали долго, мучительно и страшно. И они предпочитали вскрыть себе сонную артерию, чем попасть в руки своим соплеменникам.

Зачем ворки шли в стражу? Да все просто – в империи их ожидала самая грязная и неблагодарная работа, их там считали низшими существами, практически рабами. А тут – хорошее жалованье, паек, уважение товарищей, а после окончания десятилетнего контракта – хорошая пенсия и разрешение селиться в любой части Империи беспрепятственно и даже с наделением приличным участком земли (это в некоторых провинциях, не в столице).

Тяжелое ранение было последней каплей. За что она,

Аурика, должна класть свою жизнь? Почему она должна убивать ворков? Кому нужна эта страшная и бесконечная война? Устала. Хватит!

Уволившись, огляделась вокруг... а идти-то ей было и некуда. Мать умерла, пока Аурика лазила по воркским лесам, дом ушел за долги – мать задолжала, когда болела. За муж пойти? Да кто ее возьмет? Не первой свежести девица, вся в шрамах, с кинжалом на поясе – того и гляди глотку перехватит. И кому она такая нужна?

Прожила в столице год – снимала комнату в квартале купцов. На большее не хватило. Когда сосед в очередной раз решил попробовать получить от нее сексуальное удовлетворение, громко, на весь квартал крича о том, что такая армейская шлюха как она должна радоваться вниманию настоящего мужчины – она отрезала нос и уши этому соседу, и ушла, бросив истекающий кровью полутруп на полу в своей комнатухе. А потом записалась в отряд капитана Кларна, вольной наемницей, на жалованье плюс процент от добычи. Через год она уже командовала ротой, через два – была одним из заместителей капитана.

И тут ее хватило ненадолго. Наемничество – это сложная штука. Цель наемника – не положить свою жизнь за интересы нанимателя, цель наемника – добиться прибыли, получив при этом как можно меньше ущерба своему здоровью. Перейти на сторону противника – легко! Сдаться, если предлагают выгодные условия – запросто! Ну и сражаться до по-

следней капли крови, если нет другого выхода – но это редко. Наемники против наемников – никогда не доводят до такого безобразия. Ведь завтра ты сам можешь оказаться в том же положении. Вот когда за тебя берутся те же ворки, или налетчики с территории запредельных государств, или грабители с большой дороги – вот тут да, драка идет всерьез и по-настоящему. Слава Создателю, в основном работа их отряда заключалась именно в этом – охрана караванов, подавление банд налетчиков, защита нанимателя от беспредела конкурентов.

Увы, все хорошее когда-то кончается. Капитан Кларн все больше сбивался на темную сторону, и вскорости игрища с постоянными предательствами и сдачей своего клиента стали основной работой их отряда. Из него стали уходить те, у кого еще остались какие-то понятия о порядочности, о совести, с ними ушла и Аурика. И она опять «дома».

В столице за это время ее уже и забыли, забыли историю с несчастным купцом, оставшимся без носа и ушей и с отбитой печенкой. Аурика купила домик, благо, что в наемниках ее доходы были не в пример выше, чем в пограничной страже, купила лавку на Центральном рынке, и... задумалась – а чем ей торговать? И КАК торговать? После покупки дома и лавки денег осталось не так уж и много. Те, кто рассказывает о замечательной, «жирной» жизни наемника, наверное никогда не сталкивался с этой работой. Кто-то срывает куш, а кто-то и гниет, сброшенный в яму вместе с остальными

неудачниками – раздетый догола, обобранный до нитки. С чем пришел в этот мир, с тем и ушел.

Кроме всего прочего, Аурика изрядно потратилась на процедуру омоложения, отдав магу-лекарю высшей категории едва ли не половину своего состояния. Теперь, если не особо присматриваться, она выглядит лет на двадцать, вместо своих тридцати пяти. Нет целлюлита, нет мешков под глазами, не болят раны и даже шрамы на теле почти не бросаются в глаза. Впрочем, все равно это ее счастливой не сделало. Постоянного мужчины нет, и наверное никогда не будет. Возможно, она слишком пристрастна к выбору спутника жизни, и каждый, кого Аурика встречает на жизненном пути оценивается ей с точки зрения: «Сможет ли он с ней справиться, или нет?». А возможно, что относится она к мужчинам не как к потенциальным мужьям, видит в них не женихов, а... или товарищей по оружию, или только лишь постельных партнеров. Последнее – гораздо чаще. Она ведь здоровая молодая женщина, и ей ничего человеческого не чуждо.

Пятнадцать лет – разве это возраст разума? Если бы не ушла из дома, не поступила на службу, сейчас возможно имела бы несколько детей, любящего мужа. А возможно – и в живых бы уже не было. Кто может предвидеть волю богов? Играют они судьбой человека, как человек играет на сигнальной трубе. Все так, как оно должно быть.

Итак, Аурика открыла магазин готовой одежды – чем еще

женщина может торговать? В одежде она как ни странно разбиралась, могла отличить ткань из хорошей мастерской от ткани, которую произвели мошенники, подделываясь под качественную шерсть или лен.

Увы, дела ее шли не очень, и через полгода она задумалась – содержание лавки (налоги, патент на торговлю и все такое), собственно оплата своего жилья – потихоньку остатки ее капитала тают, а что это значит? Это значит, что наступит момент, когда деньги совсем закончатся, и ей придется думать о том, как прокормить свое помолодевшее тело. Впадет в нищету, другими словами. И что тогда ей делать?

Ситуация разрешилась сама собой. Однажды в дверь лавки вошел неприметный человек средних лет, и предложил ей новую, хорошую одежду, а еще – рулоны тканей разного вида. Очень дешево предложил, ниже чем за полцены. Аурика душой не была, тут же сообразила, откуда дует ветер. Подумала, подумала... и купила. Сразу все. Оптом. Выторговав еще хорошую скидку. С тех самых пор и пошло. Ткани она отдавала портным, они шили хорошие штаны и рубахи, Аурика их выгодно продавала. Ей еще приносили ткани, реже готовую одежду (ее она брать не любила, сразу предупредила – с ДЫРКАМИ и ГРЯЗНУЮ не возьмет), бизнес процветал, будущее смотрелось вполне радужно. Контрабанда – она всегда была и будет. И ее надо сбывать. И надо сбывать награбленное. Если не она – то кто-то это все равно сделает. А ей придется снова идти в наемники, чтобы не помереть с

голоду – если откажется. А удача наемника очень даже изменчива.

Аурика вздохнула – перед ней промелькнула вся ее бурная жизнь. И снова подумала об этом молодом ворке, который только что покинул ее лавку. Чем-то он ее зацепил... а еще, и она боялась себе в этом признаться – напугал. Она не собиралась его кидать, хотя такая мысль и мелькнула у нее в голове – подумалось, что вот сейчас я она заберет монету, а этому тощему ворку скажет, чтобы он шел отсюда и больше никогда не приходил. Ну так мелькнула... ради смеха! Мол, вот что он сможет сделать! А парень будто услышал ее мысли, и взгляд голубых ворковских глаз стал тяжелым, пронзительным, как у дуэлянта перед нанесением смертельного удара, и рука ворка легла на пояс, поближе к спрятанному в потайном кармане ножу. И Аурика поставила бы полк против статера, что ножом этим парень работать умеет. И крови точно не боится.

Она отправила его к Селене, та сейчас подыскивала себе жильца. Прежний жилец, контрабандист Дирган недавно был убит в разборке с конкурентной группировкой, так что старухе нужно было найти приличного клиента. А то, что этот ворк вряд ли станет угрозой для жизни и здоровья ушедшей старушечки – Аурика откуда-то знала. Просто чувствовала это. Послужишь двадцать лет – начнешь чувствовать людей так, будто слышишь все их потаенные мысли. Парень дерзкий, но не подлец. И на убийстве старушек свой бизнес

не делает, это точно. Впрочем – Селена видала виды, и ее тоже так просто не взять. Как бы сама парня не собралась потрясти... Но это уже их проблемы. Аурику они не касаются. Обедать пора!

Женщина встала, вышла из лавки и заперев ее на огромный замок, повесила деревянную табличку, на которой крупными печатными буквами было написано: «Ушла на обед. Приду через час» – и спокойно пошла по базарной площади, направляясь в знакомую таверну, в которой обедала и ужинала несколько лет подряд. Двое карманников проводили ее взглядом, но не потому, что собирались почистить карманы и срезать кошелек – просто очень уж хороша у этой бабы грудь, да и задница не подкачала. Воровать же у нее опасно – во-первых, она давно славится крутым нравом, может и руку сломать, пальцы переломать, а как тогда работать? И кроме того – за нее могут и спросить. Все знали, что к ней не так просто ходят люди из самой крупной шайки контрабандистов. А это люди крутые и бесшабашные, голову открутят и не спросят, кому ты отдаешь часть добычи.

* * *

Двойственное чувство от встречи с этой женщиной. В ней почуял родственную душу, но и опасна она просто-таки запредельно. Окажешься с такой в постели – можешь утром и не проснуться. Если она решит, что так будет лучше для

дела. Рупь за сто – у нее и семьи-то никакой нет. Такие женщины редко бывают счастливы в жизни.

А тот адрес, что она дала – я запомнил. Посмотрю, куда она меня норовит пристроить. Не удивлюсь, если там меня ждет засада. Это же логично – отправить лоха в ловушку, а потом поймать с этого свой небольшой процент. Без забот, без хлопот. Ведь если кидать меня здесь, на месте, выгоду поимеешь гораздо большую, но и проблем можешь огрести выше крыши. Можно потерять и саму жизнь. Эта баба тертый калач, она должна чувствовать такие вещи.

Теперь еще бы не проколоться на обмене. Адрес менялы тоже она дала, а если этот меняла работает с ней в паре? Принцип тот же – меняла кидает, Аурика имеет свой процент. И все довольны! Хотя... тут существует одно уязвимое место: если меняла прилюдно меня убивает, ему придется объяснять – за что порешил клиента. А он при кидке обязательно должен меня порешить. В противном случае я вернусь, убью его, а потом убью и Аурику, которая меня к нему послала.

Кстати, забавно они все удивляются, что ворк может оказать сопротивление, и даже быть кому-то опасным. И те четверо очень удивились, и Аурика, почувствовала опасность. Похоже, что это связано именно с моей расой, расой ворков. Что, у них какой-то обет непротивления Злу?

Опа! Точно. Чертова память! Ну почему ты выдаешь мне информацию только тогда, когда я практически сам до всего

докопался?! Да, у городских, и не только у городских ворков существует религиозный запрет на противление Злу. Они таким образом зарабатывают себе хорошую карму, чтобы в перерождении получить новую, замечательную жизнь! Вот же идиоты... подозреваю, что тут без имперской власти не обошлось. Очень выгодно внедрить в головы людей некие идеи, помогающие держать его в узде. Ударили тебя по одной щеке – подставь другую! То же самое когда-то было и у христиан – пока они наконец не поняли, что если тебе врезают по щеке, надо сломать врезавшему нос. А лучше и шею, чтобы больше таких поступков негодник не совершал. Но тут все еще в зародыше, пока что ворки верят в эту свою мягкотелую доктрину набивания процентов кармы. Правда – не все. И это тоже понятно.

Меняла звался Сиджоном Кирхом, и был он то ли выходцем с крайнего юга, то ли мулатом, продуктом смешанного брака. Смуглая, можно сказать почти что черная кожа, глаза цвета крепкого черного чая, широкий нос – мулат, да и только. Возраст абсолютно неопределенный, я никогда не умел определять возраст у мулатов и азиатов. Наверное, далеко за сорок – вон, курчавые волосы чуть тронуты сединой.

Разговаривает мягко, даже подчеркнуто уважительно, ничем не выдавая своей неприязни к представителю воркского племени. Впрочем – возможно что никакой неприязни у него и нет. Ему наплевать на расу, наплевать на личность человека – главное, чтобы от клиента была хоть какая-то прибыль.

А от меня прибыль должна быть знатная. Ибо я решился, и вознамерился разменять не только свой статер, но и золотой вонд. Все равно ведь придется, так что семь бед – один ответ. Если что – мало этим типам не покажется.

Их было двое – сам меняла, и его телохранитель, огромный мужчина под два метра ростом, и шириной в плечах два меня. Подумалось – интересно, сколько он весит? Килограммов сто пятьдесят, не меньше. Похоже, что бывший боец, или боксер... хмм... тут они называются «кулачники», это всплыло из моей памяти. Да как ни назови – все равно понятно. Призовой боец, который часто выступал на арене. Нос сломан, уши переломаны, лицо – сплошное поле битвы, в рывтинах и косогорах. Красивым мужика точно не назовешь. И похоже что о защите, уклонах и нырках тут имеют само что ни на есть зачаточное представление.

Впрочем – что я на самом деле знаю об этом мире? Может как раз из-за такой кровавой мясорубки люди и ходят на представления с призовыми бойцами. Только в отличие от тупого американского реслинга здесь проходят самые настоящие бои. Этот боец похоже что вышел в тираж, и теперь, «на пенсии», подрабатывает телохранителем-охранником у богатого менялы. Ну а чего – делать ничего не надо, башку под удары подставлять не надо, стой, скучай, и всем своим видом демонстрируй готовность броситься на защиту капиталов своего господина. Лафа, а не работа!

Мы с менялой заперлись в его будочке, он выложил на

стол свои капиталы, готовясь совершать сделку, и у нас пошла оживленная торговля, начавшаяся с пятнадцати процентов с каждой совершенной сделки. Я постарался доходчиво объяснить почтенному черножопому хриstopродавцу, что его наглые притязания он может засунуть в задницу своему перемятому как пластилин охраннику, и после получа-са закатывания глаз, стенаний, хруста пальцами и жалобных причитаний на тему: «Как мне тогда жить, если я раздаю свои деньги направо и налево» – мы все-таки пришли к десяти процентам. Максимальной марже, которую берут менялы по всей территории Империи. Этот местный Перельман а-ля Рабинович сдался только после того, как я сказал, что мне все надоело, и что я сейчас точно пойду к другому меняле. И что прислала меня Аурика, сказала, что он надежный бизнесмен и не собирается меня так уж откровенно надувать. Почему-то при упоминании Аурики он слегка погрустнел, но... в общем-то все у нас с ним получилось. За вонд мне причиталось восемнадцать статеров, и два статера из них я разменял на файты, файты на полки. С меня удержали справедливую цену (я все внимательно пересчитал), так что скоро я шагал по улице, нагруженный монетами так, что мой пояс очень даже ощутимо потяжелел.

Ограбить прямо в лавке меня никто не попытался, потому я сделал вывод – скорее всего это произойдет чуть позже, где-нибудь по дороге в квартал ремесленников. Именно туда меня направила Аурика. Но скорее всего она будет в

этом деле совершенно ни при чем. Потому этот меняла так погрузнел. Вероятно представил, как ему придется оправдываться перед ней.

Почему я решил, что меня должны ограбить? Да это же очень просто! Одиноким парень шестнадцати лет, представитель расы, которая известна своей религией, требующей непротивления насилию. Он нагружен довольно-таки крупной суммой денег, которая очень даже хорошо распределяется на несколько потребителей. Нужно только шепнуть кое-кому компетентному в этих делах, и за ворком тут же установят наблюдение, пустят за ним «топтунов». Ну и как только представится возможность – врежут по башке и заберут все такие сладкие металлические кругляшки. Просто, легко, элегантно! И абсолютно безнаказанно. Полиция... хмм... стража не будет разбираться с ограбленным нищим ворком, рассказывающим сказки о том, что у него некогда была крупная сумма денег, и что потерял он ее после посещения уважаемого менялы. Кстати, скорее всего и рассказывать-то будет некому. Хороший ворк – мертвый ворк. Мертвые не кляузничают – это все умные люди знают наверняка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.